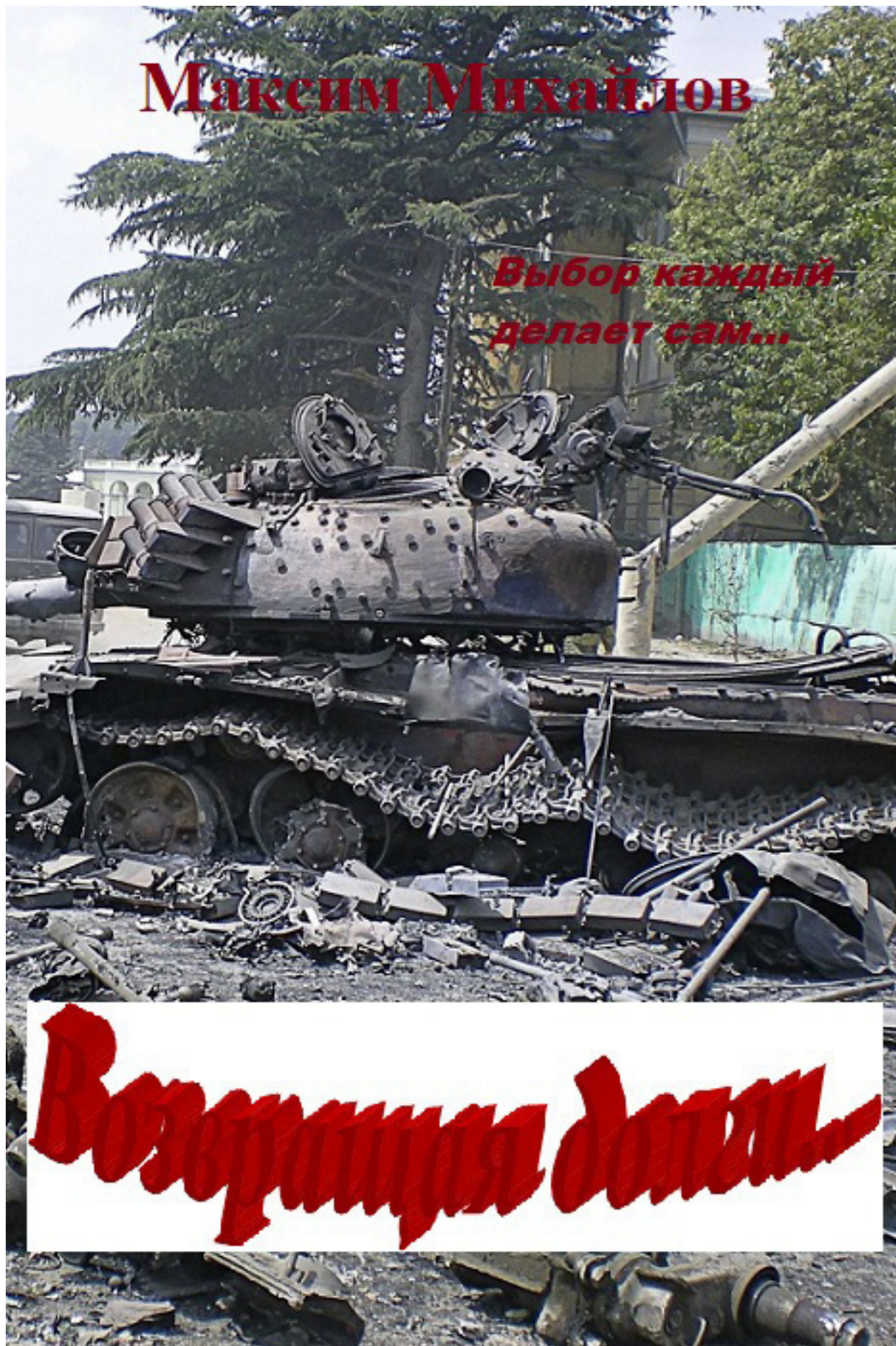

Максим Михайлов

**Выбор каждый
делает сам...**

Возвращение домой...

Максим Михайлов
Возвращая долги...

«Станислав Щербаков»

2018

Михайлов М.

Возвращая долги... / М. Михайлов — «Станислав Щербаков»,
2018

Противостояние между осетинами и грузинами длится многие годы. В первые годы после развала Советского Союза здесь уже лилась кровь. И мальчишка, солдат внутренних войск, брошенный в мясорубку братоубийственной войны между двумя народами своими глазами видел весь ее ужас и жестокость. Однако связанный приказом командования не поддаваться на провокации в то время он ничего не мог предпринять. Прошли годы и вот уже в его руках не автомат, а кисть и палитра художника, но судьба вновь возвращает его туда, где когда-то остались беспомощные люди, нуждавшиеся в его защите. Дает ему шанс поступить по иному при встрече со злом. Война в Южной Осетии глазами гражданского. Записано по рассказу участника обороны Цхинвала.

© Михайлов М., 2018

© Станислав Щербаков, 2018

Содержание

День первый	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Максим Михайлов

Возвращая долги...

День первый

Горы надвинулись как-то разом, обступили со всех сторон, словно войско сказочных великанов. Суровые, поросшие редким сосновым лесом, а кое-где и просто голые, с ободранными боками обрывистых скал и каменистых осыпей. Льдистой броней, рассеченной темными провалами трещин сверкают в отдалении высокие пики – трехтысячники, вершины которых находятся выше линии таяния снега и потому, там всегда зима, даже сейчас, когда мы почти задыхаемся в накаленной августовским солнцем железной коробке машины. О существовании в мире автопромышленности такого чуда, как кондиционер наш верный механический конь похоже даже не подозревает, равно как и его хозяин, пожилой черноусый осетин, по-кавказски молчаливый и деловитый.

Дорога пролегает по дну ущелья, вдоль весело бьющейся о камни горной речки. Никаких столь стереотипных для гор и потому ожидаемых серпантинов, просто ровный неторопливый подъем. Горы повсюду, справа, слева, впереди, а теперь уже и позади, окраинные постройки Владикавказа неожиданно быстро пропадают из виду и теперь у меня уже полное ощущение того, что я неожиданно выпав во временную дыру вернулся минимум лет на двести назад. В те времена, когда в этом диком краю еще обитали гордые воинственные племена, боровшиеся с извечными попытками грузинских князей подчинить их себе, а победоносная русская армия еще только втягивалась сюда с северных равнин, для того чтобы раз и навсегда привести эти земли под тяжелую, но справедливую руку России, несущую местным народам не иго колониализма, а новую жизнь и цивилизацию. Вот так оно, наверное, все тогда и выглядело. Мало что изменилось с тех пор. Те же вечные и практически неизменные горы, та же, несущаяся вниз к плодородной равнине бурная горная речка, те же редкие домишки прилепившиеся к склонам. Вот разве что вездесущие столбы линии электропередач портят впечатление, но если очень захотеть их можно просто не замечать.

– Что ты прилип к окну? Совсем охмурил? Не слышишь, что говорю?

Чувствительный тычок локтем в бок возвращает меня в прозаическую реальность, вырывая из дикого средневековья и мгновенно перенося обратно в начало двадцать первого века.

– Ну чего тебе?

С досадой разворачиваюсь назад, туда, где вольготно раскинувшись в одиночку на сиденье развалился Фима Федорцев, заклятый друг и бывший одноклассник собственно и втравивший меня в это вот путешествие.

– Чего, чего? – недовольно бурчит Фима. – Я с тобой уже полчаса разговариваю, и только сейчас сообразил, что ты опять где-то в облаках витаешь...

– Да, ладно, так уж и полчаса, – слегка смущаюсь я. – Просто красота вокруг такая! Вот и отвлекся, ты сам что, неужели не видишь? А еще фотограф-профессионал!

На самом деле мне слегка неудобно за свою детскую восторженность, уж слишком сильно она не соответствует тому образу, который я старательно культивирую для всех окружающих, той маске, которую повседневно ношу. Фима хоть и свой в доску парень, а все-таки совсем необязательно представлять перед ним в виде этакой сентиментальной размазни. Зуб даю, не оценит! Уж слишком он прагматичная натура. Вот даже сейчас, я прямо предвижу, что он ответит. Ну-ка!

– Говно, а не натура! – не задумываясь и на секунду припечатывает Фима, вызывая тем самым осуждающий взгляд водителя через плечо, но абсолютно этого не замечая. – Конечно

общий план можно было бы сделать неплохой, а если с высоты откуда-нибудь снимать, так и вообще сказка. Но это только пейзажистам интересно. Нормальных денег на таких фотках не срубишь! А если здесь какую-то конкретику лепить, на этом фоне, то без всякой разницы, тут делать или где-нибудь в овраге в Подмоскovie, один черт ничего видно не будет. Вот только в Подмоскovie работать можно нормально с комфортом, а тут...

Фима горестно машет рукой и отворачивается к окну, укоризненным взглядом прожоя летящие мимо окрестности. Вот, что и требовалось доказать! В этом он весь! Фотограф-трудоголик специализирующийся на различных жареных фотографиях аварий и природных катастроф, горячих точек и прочих мест, куда нормальный человек не полезет ни за какие деньги. Фима ненормальный, за это его и ценят во множестве информационных агентств по всему миру. Знают, что этот сумасшедший русский за совсем плевые деньги способен слабить качественный фоторепортаж хоть из жерла действующего вулкана, хоть из приемной самого Сатаны. Только плати! Иногда мне кажется что вот такая беспорядочная, полная адреналина, невероятных приключений и встрясок жизнь притягивает Фиму сама по себе. И даже перестань вдруг в одночасье издательства, редакции и агентства платить ему деньги, он все равно будет продолжать мотаться по всему миру с неразлучным кофром для фотоаппаратуры и штативом под мышкой, выискивая, куда бы еще затащить свою задницу. Причем обязательно в такое место, где ее могли бы подпалить на извержении вулкана, завалить камнями при землетрясении, а то и просто прострелить меткой снайперской пулей.

Решив малость подразнить приятеля, я с искренним возмущением начинаю выговаривать ему:

– Ну послушай, нельзя же так! Как можно всё и вся всегда оценивать лишь с точки зрения работы? Ты приглядишься только, какая красота вокруг! Неужели ты не ощущаешь мощи и величия этой природы, силы и вечности, которыми просто дышат эти скалы. Неужели в твоей заскорузлой душе так-таки ничего и не шевельнется, не зазвучат аккорды симфонии Баха, не дрогнет ни одна чувственная струнка...

– Кто это, Бах? – перебивает он меня демонстративно зевая.

– Бах, это великий композитор, дубина ты стоеросовая!

Я перевешиваюсь через спинку сиденья, чтобы дать ему отеческий подзатыльник, но Фима ловко уворачивается, тыкая мне в лицо крепким кукишем и радостно улыбаясь. Натянувшийся ремень безопасности не дает мне до него добраться и позволяет фотографу безнаказанно гримасничать сколько влезет издеваясь над моей беспомощностью. Чертов ремень, и чего я пристегивался, гаишников на этой трассе, похоже не найти днем с огнем. Осетин-водитель кстати застегивать эту удавку и не думал, даже тогда, когда мы петляли от автовокзала по узким улочкам Владикавказа, выбираясь на шоссе.

– Это ты у нас мазила-художник, вот и восхищайся колоритностью видов, тебе по статусу твоей тонкой и ранимой душевной организации положено, – ехидно хихикает ощущающий себя в полной безопасности Фима. – Одного не пойму, чего же ты с собой мольбертик и палитру не захватил? Тормознули бы сейчас минут на пять, наваял бы на скорую руку шедевр. Лопухнулся, братишка, теперь вся эта красота зря пропадет, не обращенная так сказать в приток свободно конвертируемой валюты в дырявый карман мэтра изящных искусств.

– Какой уж тут мольбертик, – невозмутимо парирую я. – Когда с твоими кофрами и штативами еле в машину влезли. А эту, как ты ее назвал? Поллитру? Так я думал ты захватишь... Кто из нас в конце концов организатор этой поездки, я, или ты? Кто должен заботиться о подпитии боевого духа и материально-техническом обеспечении?

Фима замолкает, крыть ему нечем. Действительно в эту поездку меня сманил он. Причем не просто сманил, а уламывал чуть ли не неделю, постоянно надоедая телефонными звонками и оббивая порог моей студии. Приспичило, видите ли ему ехать в Южную Осетию, делать фоторепортаж для какого-то западного издания о жизни осетинских сепаратистов. За весьма хоро-

шие деньги между прочим. Вот только одному ехать ему было то ли неудобно, то ли страшновато, потому он и решил подписать под это дело меня, заманивая длинным заокеанским долларом, или, по желанию, более увесистым евро. Обещал даже официально оформить в качестве собственного ассистента. Повлияло на этот его выбор, в основном то, что еще со школьной скамьи, мы с ним довольно тесно дружили, и, что гораздо более редко встречается, продолжали общаться и после окончания школы и совершенного и бесповоротного разделения путей во взрослой жизни. А еще у меня присутствовало некое художественное образование, пусть неполное и незаконченное, но где-то и как-то могущее пригодиться в работе. Ну и конечно последнее, но скорее всего главное соображение, это то, что я когда-то много лет назад служил в этих краях срочную, отдавая священный долг Родине.

Поддавшись романтичному порыву бестолковой юности и вместо того, чтобы по примеру сверстников всячески стараться откосить от оной почетной обязанности, я сам пришел в военкомат, и обрадованные моей сознательностью работники этого почтенного заведения, на радостях зафигачили меня в самую на тот момент жопу. А именно, как раз в Южную Осетию, в полк внутренних войск. Вспоминать о своей службе, а тем более рассказывать о ней кому-либо, я не любил, уж больно много в то время произошло со мной такого, что любой нормальный человек постарался бы поскорее забыть, начисто выкинув из памяти. Но, как оказалось, в отличие от меня, Фима этой детали моей биографии отнюдь не упустил, отложил в дальний ящичек своей памяти, откуда и извлек торжественно, едва она понадобилась. Уговорил, короче, черт языкастый. Деньги обещались приличные, вся работа должна была занять не больше нескольких дней, а я как раз в это время был на мели. В принципе обычное мое состояние.

Впереди черным провалом пасти сказочного дракона замаячил въезд в прорубленный в горной толще тоннель. Машина с разгону ныряет в подсвеченную редкими лампочками на стенах темноту. Водитель врубает ближний свет фар, выхватывая из тьмы, серый бетон стен и метровой высоты бортик, ограничивающий пешеходную дорожку. Минута и мы снова вырваемся под яркий солнечный свет.

– Будто к негру в жопу нырнули, – недовольно бурчит с заднего сиденья Фима. – Я даже вонь почувствовал. Слышь, чего говорю, Андрюха? Или ты опять от местных красот в медитацию впал?

Кошусь краем глаза на водителя, ему явно не нравится то, как уничижительно Фима отзывается о природе его родного края, но пока он держится, пряча взрывной кавказский темперамент под маской поглощенного верчением баранки безразличного шофера. Хотя с чего бы тут особо поглощаться – дорога ровная, встречных машин почти нет, движок потрепанной с виду «шестерки», работает на удивление мягко и ровно. Никаких тебе особых проблем, можно всласть поболтать с пассажирами, коротая время пути. Но нет, молчит, сведя к переносице кустистые брови и тяжело набрякнув обиженно надутыми губами. Явно недоволен. Разворачиваюсь к балбесу Фиме и пытаюсь знаками пояснить этому внебрачному дитю природы, чтобы держал свой язык на короткой привязи. Горцы народ горячий, кому и знать, как не мне, а ну как высадит сейчас посреди дороги и придется дальше пешком топтать. На мою жестикуляцию Фима реагирует с великолепным столичным презрением. «Подумаешь! – легко читается в его взгляде. – Это же просто обслуживающий персонал! Ему заплатили, значит, пусть терпит!» Действительно водитель содрал с нас довольно приличную по местным меркам сумму в пять тысяч рублей, за дорогу, которая должна была занять четыре-пять часов. В общем-то деньги конечно не большие, но все познается в сравнении, для местных это достаточно много. Однако тут надо брать поправку на знаменитый кавказский менталитет. Это в Москве за определенную сумму наличности люди стерпят какое угодно обращение. Здесь несколько другие понятия, потому делаю себе в памяти зарубку, надо будет прочитать Фиме подробную лекцию об основах местного этикета. А то так не далеко и до серьезных проблем.

Занятый этими мыслями я даже не замечаю, как мы проскочив еще несколько тоннелей подходим к таможенному посту. Издалека видна длинная очередь груженых фур замершая на обочине дороги.

– Ого! – не сдержавшись комментирует с заднего сиденья Фима. – Да, таким манером мы тут несколько дней простоим.

Я тоже не в восторге от подобной перспективы, и лишь водитель продолжает невозмутимо жать на газ и спокойно обходит замершие уткнувшись друг другу в кузова большегрузы. В ответ на мой вопросительный взгляд, он поясняет снисходительно улыбаясь в усы:

– Правила такие. Груз везешь – встань, покажи, чего везешь. На легковой машине едешь, проезжай спокойно. Незачем в очереди стоять. Все для людей сделано.

Я согласно киваю, про себя однако прикинув, что скорее всего неписанное правило введено самими таможенниками, чтобы нервничающие пассажиры легкового транспорта не мешали спокойно и вдумчиво снимать сливки с везущих контрабанду грузовиков. Тут тоже одно из проявлений особенностей Кавказа. Можно делать все, что только тебе вздумается, но за все надо заплатить. Договориться, как правило, можно с любым представителем власти, главное правильно к этому вопросу подойти. Ну и видеть разумные границы таких договоров, потому что одно дело нелегально провезти в непризнанную республику медикаменты и продовольствие без соответствующих накладных, и совсем другое, гнать например фуру груженную доверху маковой соломкой, или там героином. Хотя наркоту фурами не возят, не те объемы. Ну это я так, просто для примера.

Как и следовало ожидать на нас таможенники не обращают никакого внимания, сразу давая отмашку на следование по специальному бездосмотровому коридору к воротам пограничного КПП. Там все еще проще. Лопухий солдатик-срочник, проверяет документы, делает какую-то запись в журнале, и ворота открываются, впуская нас на иностранную территорию. Юридически эта страна называется Грузией, на практике же здесь совсем другое государство «Хуссар Ирыстон» – Югоосетинская Республика. Страна необозначенная ни на каких картах, никем не признанная, но тем не менее существующая уже почти семнадцать лет сама по себе. Мы ныряем в длинный Рокский тоннель, именно по его середине и проходит линия границы. Вот мы уже ее и пересекли, это сразу заметно, по количеству работающих на стенах лампочек. Если российская часть тоннеля просто залита ярким светом, то югоосетинская теряется во мгле, где редкое пробивающее чернильный мрак желтое пятно, уже праздник и подобный морскому маяку ориентир.

– Добро пожаловать в Южную Осетию! – иронично раскланивается на заднем сиденье Фима.

Но все когда-нибудь заканчивается, закончился и этот гулкий погруженный в полумрак тоннель, пробитый в толще горного хребта. Мы снова вываливаемся под яркое летнее солнце, в буйство красок горной природы. Вроде бы ничего не произошло, все то же самое, вокруг те же обступившие дорогу отвесные скалы, шумит сбоку говорливая речка, сверкают недоступным искрящимся льдом острые пики на заднем фоне. Но что-то все равно неуловимо меняется, что-то в самой атмосфере ясно говорит о том, что мы приближаемся к цели своего путешествия, и шутки кончились, здесь чужая земля, чужая территория и случиться на ней может все что угодно. Это ощущается даже в пропитанном солнечным жаром горячем воздухе, рвущемся в распахнутое настезь окно, слышится в рокоте горной речки, видится во внезапно заострившихся чертах помрачневшего лица водителя. Все, мы вступили туда, где не действуют законы привычного мира, и все что будем делать здесь дальше, будет делаться лишь на наш собственный страх и риск. Даже неугомонный вечно всем недовольный Фима подавленно замолкает и с опаской оглядывается по сторонам, будто всерьез ожидает, что вот-вот откуда-то из кустов появятся грузинские солдаты и начнут по нему стрелять.

Грузины не появляются. Зато за очередным поворотом, нас встречают ободранный, облупившийся шлагбаум, защитного цвета будка, и несколько человек в разномастном камуфляже.

– Пограничный пост, – поясняет водитель. – Сидите спокойно, все нормально будет.

По виду встречающих не скажешь, что будет нормально. Настроены ребята достаточно решительно. Если у наших пограничников автоматы дисциплинированно весели за спинами, то эти демонстративно держат оружие наготове. Поди и патроны в стволах, вряд ли здесь кто-то слышал о мерах безопасности при обращении с оружием, которые в нас настойчиво вдалбливали в свое время отцы-командиры. Это притом, что оружие нам в руки старались по возможности вообще не давать, а если и давали, то пытались не дать патронов к нему. То есть делали все, чтобы мы с этими опасными железяками поменьше контактировали в принципе. Тогда мне это казалось чрезвычайно обидным. Сейчас с высоты прожитых лет я понимаю всю мудрость этих решений, оберегавших нас бестолковых мальчишек от потенциальной опасности которую несет в себе любое оружие, особенно для того, кто как мы, толком не обучен им владеть. Известный армейский принцип: «Раз в году и палка стреляет», отнюдь не потерял своей актуальности. Другой вопрос, на фиг нужна стране армия состоящая из бестолковых необученных мальчишек, которым бояться дать лишний раз в руки настоящие автоматы, чтобы они не дай Бог чего с ними не учудили. Но это уже вопрос к дядям в больших погонах, а обратиться к ним у меня, понятно, возможности ни тогда, ни сейчас не было, да, наверное, никогда уже и не будет.

Разномастно, но все чрезвычайно воинственно одетые и вооруженные пограничники непризнанной республики не торопясь вразвалочку, демонстрируя свою важность и достоинство приближаются к машине. Наметанным взглядом хоть и бывшего, но все же вэвэшника, отмечаю, что пока двое движутся к дисциплинированно остановившейся перед размытой еле видной стоп-линией «шестерке», еще один отойдя в сторону держит нас на прицеле. А караульщик у шлагбаума внимательно шарит взглядом по окрестностям, выискивая любую возможную угрозу. В общем грамотно действуют ребятки, нас в свое время тоже так учили: досмотровая двойка, страхуя друг друга проводит проверку, еще один боец постоянно держит нас на мушке, находясь вне досягаемости, и один наблюдатель, на тот случай, если наш приезд просто отвлекающий маневр. Нет, ребята, хоть республика и непризнанная, а первые ее официальные представители своим внешним видом похожи на спустившихся с гор боевиков, но толк в своем деле они понимают и действуют не хуже, чем обученные солдаты российских внутренних войск.

И ведь голову можно дать на отрез, что знают они и эту машину, и самого таксиста, как облупленных, наверняка не так уж много народу промышляет здесь частным извозом с севера на юг, должны были уже давно примелькаться местным стражам. Но никакой расслабухи по этому поводу не наблюдается, еще раз напоминая нам о том, что мы находимся на территории на которой уже много лет затаившись дремлет война, готовая в любой момент очнуться от своего чуткого тревожного сна, взрывая непрочную иллюзию мирной жизни грохотом заполошенных очередей, воем мин и разрывами снарядов.

Досмотровая двойка осторожно приближается. Грамотно идут, уступом, так чтобы в случае чего передний не перекрыл товарищу директрису. Очень неуютно я вдруг почувствовал себя при их приближении, даже непрощенные мурашки юркой стайкой скользнули вдоль позвоночника под их пристальными угрюмыми взглядами. Конечно, таксиста-то они знают, значит угроза может исходить в данный момент лишь от нас двоих, потому и пасут они нас сейчас с удвоенным вниманием, ни на миг не позволяя себя оторвать взгляд от возможной мишени. Интересно, они уже разобрали цели, или нет? Скорее да, чем нет, уж больно грамотно себя ведут, профессионально. Кто из них будет стрелять в меня? Кому я предназначен в потенциальную жертву? Вот тот тонкий в кости, с быстрыми нервными движениями, что идет впереди, или с обманчивой неуклюжестью плывущий за ним здоровяк с недельной щетиной на выдающихся вперед скулах? Тот, или этот? Кто? Почему-то этот дурацкий вопрос меня сей-

час занимает донельзя. Умом я, конечно, понимаю, что стрелять в нас вовсе никто не собирается, что за день тут наверняка проходит немало машин, может быть даже сегодня несмотря на ранний час мы не первые, и ничего, судя по отсутствию на дороге пятен крови и неубранных трупов, ни с кем пока худого здесь не случилось. Но одно дело понимать умом, а другое ощущать на себе липкие настороженные взгляды людей идущих к тебе с автоматами в руках, ясно читать за их внешним отстраненным безразличием, звенящие перетянутыми струнами нервы и тлеющий где-то в глубине души азартный огонек бесшабашной лихости, непоколебимой уверенности, что если что, они всегда успеют первыми. Успеют, даже если к этому моменту будут мертвы. Успеют, потому что они мужчины и воины, и оставшимся дома женщинам, немощным старикам и детям больше не на кого надеяться кроме них. Больше никто не придет и не защитит, только они стоящие на этом посту.

Наконец эта пытка все же заканчивается. Шедший первым обменивается с водителем несколькими гортанными фразами будто разрубающими плывущий жарким маревом воздух, рассекая нависшее мрачной тяжелой тучей ощущение угрозы. Похоже шофер сказал ему, что все в порядке, машина не захвачена грузинскими диверсантами, и он по доброй воле везет двух русских в Цхинвал. Однако небритый, тем не менее, неожиданно легким, почти балетным пируэтом, не опуская оружия скользит вдоль нашей «шестерки», обходя ее слева, внимательно всматривается в глубь салона. Я интуитивно понимаю, что пограничник хочет увидеть не держим ли мы водителя под прицелом. Мало ли, чем черт не шутит, пока бог спит. Облегчая ему задачу поднимаю над торпедой руки, раскрытыми ладонями в его сторону. Жест мирных намерений и доверия. Психологи рекомендуют. Тоже что-то почуявший, или сообразивший Фима делает то же самое, одновременно изо всех сил растягивая губы в долженствующей демонстрировать радостное восхищение и полнейшее миролюбие улыбке дебила. Небритый тоже невольно улыбается в ответ и успокаивающе машет руками, мол, верю, верю, нормально все. Водитель вновь говорит что-то по-осетински пограничникам, и те принимаются рассматривать нас с куда большим интересом, чем раньше. Ладно хоть интерес этот теперь гораздо дружелюбнее. Нам остается только все шире и шире улыбаться. Может еще и ладошкой им помахать, на брежневский манер?

– Правда вы журналисты из Москвы? – белозубо скалится тонкокостный, с уважением косясь на торчащий в окно штатив.

Наконец-то заговорили по-русски. Я облегченно вздыхаю, вы даже представить себе не можете насколько в такой вот подвешенной ситуации нервирует непонятная тебе иностранная речь. Особенно, когда в руках у тех, кого ты не понимаешь автоматы. А возьми вдруг водила сейчас да и ляпни, что мы грузинские диверсанты, с поясами шахидов на животах? Бравые ребята вмиг превратили бы нас в дуршлаг, а мы два дурня даже не поняли бы за что. Доказывай потом, что ошибка вышла. Нет уж, может русский язык и один из самых сложных в мире, но я предпочитаю, чтобы вокруг меня все объяснялись именно на нем.

– Не, – машет меж тем руками Фима. – Мы не журналисты. Мы фотографы. Будем фотографировать вашу столицу.

Почему-то он говорит чрезмерно громко и при этом старается пояснить каждое свое слово жестами.

– Фотоаппарат. Понимаешь? Щелк, и вылетит птичка!

Тонкокостный смотрит на него, как на полного идиота.

– Фима, – пытаюсь я спасти положение. – Ты, я смотрю, от московского снобизма совсем уже обалдел. Они прекрасно знают, что такое фотоаппарат. Не надо им растолковывать. Вы извините его ребята, он просто нервничает, не привык к оружию...

Оба пограничника смеются, пряча за спины автоматы. Вроде бы получилось разрядить обстановку никого не обидев. Ф-фух!

– Тогда пуст скарей привыкает, тут бэз аружий нэльзя. Тут аружий у всэх!

Небритый отчаянно коверкает русские слова, но улыбается при этом широко и добродушно. Хорошая у него улыбка, открытая, искренняя, вовсе не похожая на вымученные наши.

Тонкокостный, видимо старший в этой группе, он разворачивается и дает оставшимся у шлагбаума отмашку, чтобы нас пропустили. На прощание говорит на чистом русском без малейшего акцента:

– Жаль, что вы не журналисты. Но фотографы, это тоже неплохо. Будете в Цхинвале, сделайте много снимков. Пусть все увидят, как живет наш народ. Фотография иногда может сказать больше, чем самый правдивый репортаж. Удачи вам и доброго пути.

– И вам удачи, – автоматически отвечаю не вкладывая в слова никакого особого смысла, просто обычная вежливость.

Но пограничнику видимо так не кажется, он прижимает раскрытую ладонь к сердцу и склоняет голову, искренне благодаря:

– Спасибо, брат.

Черт поймет этих кавказцев, с ними всегда вот так. Самая обычная ничего не значащая на наш взгляд и ни к чему не обязывающая вежливость, может вызвать горячую благодарность. И точно так же из-за самой невинной по нашим понятиям шутки, тут можно нарваться на нож, или пулю. Я для себя на всякий случай решил, что на будущее надо вести себя здесь как можно осторожнее, стараясь лишний раз ничем не задеть и не спровоцировать окружающих.

Водитель жмет на газ, и импровизированный блок-пост быстро тает вдали. Пограничники машут нам вслед руками.

– Тоже мне, чурка не русская, – ворчит за спиной Фима. – «Бэз аружий нэльзя»! По-русски научился бы говорить сначала, обезьяна небритая...

Я замечаю, как белеют у водителя костяшки пальцев сжимающих руль и понимаю, что он на последнем пределе. Ну вот, еще одно нежданное наказание! Фима со своей непоколебимой уверенностью, что именно он является центром Вселенной, а остальные лишь вращаются вокруг него, причем именно так, как ему этого хочется, наверняка станет здесь серьезной проблемой. Вряд ли местные будут спускать ему подобные выражения. Решив немного осадить приятеля, я разворачиваюсь к нему и совершенно серьезно спрашиваю:

– Фима, золото мое, напомни-ка сколько иностранных языков ты знаешь?

Одноклассник замирает в удивлении и даже перестает на время бурчать.

– Не понял? Тебе зачем?

– Что значит зачем? Что, просто ответить слабо? Ну? Поведай миру, на скольких иностранных языках ты говоришь совершенно свободно?

– Ну, английский в школе учил... – все еще не врубается Фима.

– Да ты что?! – притворно восторгаюсь я. – Speak you on-english, my friend? Only, please, answer me without accent since otherwise I bad understand.

– Чего? – ошалело разевает рот Фима обалдело лупая глазами.

– Того! – передразниваю я его. – Раз ты сам ни фиги не рубишь ни в одном иностранном языке, даже в школьном английском, так какого же хрена ты зовешь чуркой этого погранца, только за то, что тот путает в чужом языке ударения? Чего молчишь? Эх ты, полиглот!

Фима краснеет как рак, обиженно надувается и замолкает. Зато водитель косится на меня с явным одобрением и симпатией. Он ничего не говорит, но сразу видно, что ему по нраву то, как я вступился за его земляка. На Кавказе вообще очень высоко ценятся меткий острый язык и образная речь. Горцы в этом толк знают.

Дальше километр за километром пролетают мимо в полнейшем молчании. Трасса явно начинает идти вниз. Мы, не сбрасывая хода, проскакиваем через несколько бетонных мостов. Шумевшая всю дорогу по правую руку от нас беспокойная горная речка вдруг начинает петлять, то пересекая дорогу, то выныривая от нее с другой стороны. Наконец, окончательно успокоившись, прочно занимает место слева от дороги, а мы въезжаем в поселок Джава. Знакомая

картина, словно привет из далекой юности. В годы армейской службы мне приходилось бывать в этих местах, и с тех пор на удивление мало изменилось. В девяносто первом году здесь произошло сильнейшее землетрясение и с тех пор тут и там можно увидеть остовы покалеченных домов и довольно живописные развалины. Восстанавливать разрушенное было некогда, да и некому. Все эти годы непризнанная республика то воевала за свою независимость, то влачила жалкое полуголодное существование в тисках экономической блокады. До строек ли тут?

– Вот, – тыкаю пальцем в летящие за окном дома, объясняю все еще дующемуся на заднем сиденье Фиме. – Это Джава, ихний районный центр. Большое, по местным меркам селение.

– Дзау, – не отрываясь от руля скрипит сквозь зубы водитель.

– Что? – не расслышав толком что он сказал, я оборачиваюсь к нему.

– Дзау, – уже отчетливее повторяет водитель. – По-осетински правильно говорить Дзау. Мы в Осетии, значит здесь нужно произносить названия так, как их произносят осетины.

Я растеряно замолкаю, переваривая услышанное, а подлец Фима, за спиной ехидно хихикает, радуясь моему промаху.

Вся протяженность Джавы, или Дзау, не знаю уж теперь как и сказать, вместе с примыкающими к поселку с юга селами Мсхлеби и Сакире не многим больше трех километров. Так что мы проскакиваем эти населенные пункты насквозь всего за несколько минут, и вновь оживившаяся было трасса становится пугающе пустынной, лишь шум говорливой реки, да гул нашего мотора нарушают ее покой. Машина то и дело прыгает в выбоинах, асфальт, говоря по чести давно бы уже следовало заменить, только кому этим здесь заниматься? Да и стоит ли, если ложась вечером спать ты не можешь на сто процентов поручиться за то, что завтра проснешься живым. До асфальта ли тут?

Но как оказалось я напрасно клеветал на дорогу, стоило радоваться пока ехали пусть по такому, но все же покрытию. Неожиданно наш молчаливый шофер решительно свернул с бегущего дальше вдоль реки шоссе на уходящую вправо разбитую грунтовку и почти не снижая скорости понесся по ней вздымая кучи пыли и мелких камешков.

– Э-э, шеф! Я не понял, мы чего с шоссе съехали?! Куда ты нас повез?! – возмущенно завозился сзади ударившийся на очередной колдобине головой об крышу Фима.

Водитель его вопрос проигнорировал, старательно делая вид, что полностью сосредоточен на том, как бы половчее объехать очередное вынырнувшее перед капотом препятствие. Мог бы, кстати, особо не утруждаться, дорога была разбита настолько, что уворачиваясь от одной ямы, ты все равно не минуемо попадаешь в другую.

– В самом деле, куда вы нас везете? – подключился я к стенаниям дружка.

– Это объездная дорога, – нехотя пояснил, хмуря брови шофер. – Шоссе идет через грузинские села. Там мне появляться нельзя, да и вам я бы не советовал. Мы всегда в объезд ездим, по этой дороге, она чуть длиннее, зато проходит только через осетинские селения. В них живут хорошие люди, бояться нечего. Вы не переживайте, скоро уже будем на месте.

– Да что они тут, совсем с ума посходили, что ли?! – гневно воскликнул Фима. – Да мне по хрену грузинские там села, осетинские, или негритянские! Какое мне-то до этого дело?! Я хочу ехать с комфортом, по нормальной дороге, и мне от души насрать, кто вдоль нее живет! Слышь, водила! Хватит дурку валять! Если решил за наш счет своих родственников заехать проведать, так не выйдет, можешь даже не рассчитывать! Не на тех напал! Мы тебе не лохи какие-нибудь! Давай, поворачивай назад на нормальную дорогу! Ну! Что не слышишь, что тебе говорят?!

Он решительно положил руку на плечо водителя, и кто знает, чем бы все это кончилось если бы в этот момент не ударила автоматная очередь. Грохот выстрелов разорвал тишину, многократно отразившись от каменных стен по обе стороны дороги. Три патрона, почему-то четко решил я в тот момент. Очередь ровно на три патрона, значит стреляли прицельно, не просто из баловства. Кто стрелял? В кого? Судя по сузившимся глазам водителя, по напря-

женности его позы и впившимся в руль пальцам, последний вопрос был явно риторическим. На разбитой грунтовке машину и так-то швыряло из стороны в сторону, а теперь, когда педаль газа была утоплена практически в пол, и двигатель ревел на максимальных оборотах, болтанка стала просто невыносимой. Я благодарил бога за то, что все-таки догадался пристегнуться, но даже несмотря на ремень, меня то и дело бросало то ударяя об напряженное плечо водителя, то впечатывая в всем телом в дверцу, будто теннисный мяч, а уж что творилось с Фимой на заднем сиденье, можно было только предполагать по матерным возгласам и мягким ударом о железо его рыхлого заплывшего ранним жирком грузного тела.

Не могу точно сказать, сколько времени продолжалась эта безумная гонка наперегонки со смертью, вряд ли дольше нескольких минут, но по моим внутренним часам прошла целая вечность. Я все-таки разок неудачно впечатался головой в стойку, и теперь череп в месте удара наливался тупой пульсирующей болью. «Надо бы приложить что-нибудь холодное, а то как пить дать, вырастет здоровенная шишка!», – настойчиво билась в голове глупая и неуместная сейчас, вынырнувшая откуда-то из глубин детской памяти мысль. Я даже оглянулся в поисках какого-нибудь подходящего предмета, естественно ничего не нашел. Что может быть достаточно холодным в несколько часов подряд летевшей по жаре машине? Ума не приложу...

Наша многострадальная «шестерка» замерла прямо посреди дороги, полностью заблокировав проезд, правда, ни попутного, ни встречного транспорта мы не видели уже давно, так что заботиться, было в принципе не о ком. В крайнем случае постоят немного, потерпят, подумаешь всего одна машина, это вам не московские многокилометровые пробки. Блин, что за дурь в голову лезет?

Водитель молча сидел, глядя остановившимся взглядом в окно, бессильно лежащие на руле руки крупно дрожали. Откуда-то с пола с трудом поднялся Фима, слегка подрастерявший свою напористость, но все еще горящий праведным гневом.

– Я не понял, шеф, это что такое было? В нас что, стреляли?! Что ты молчишь? Стреляли, да?! Кто? Зачем? Да не молчи ты, истукан, чертов!

– Здесь грузинский пост на горе, – тяжело с трудом разлепляя непослушные губы выдавил пожилой осетин. – Они часто обстреливают проезжающие машины... Не бойтесь, сейчас они уже нас не видят...

– Ну спасибо, успокоил! – всплеснул руками Фима. – Ну ничего себе заявочка! Что это еще за грузины такие? Армия? Полиция?

– Нет, – покачал отрицательно головой водитель. – Это просто грузины, те, что живут в селах рядом с Цхинвалом. У них там отряды самообороны, оружие, вот пост оборудовали на горе, так чтобы объездную дорогу видеть...

– Час от часу не легче, – демонстративно вздохнул мой приятель. – Что у вас здесь за дичь творится? Партизаны какие-то отможенные! Они что, вот так вот по всем машинам стреляют?

Водитель лишь молча кивнул.

– По всем? – недоверчиво сощурился Фима. – И на фига же это им нужно?

– Не знаю, – устало пожал плечами осетин, и добавил так, будто это все объясняло: – Они же грузины...

Вот так вот значит, раз грузины, то все понятно. Словно не название национальности произнес, а четкое определение дал, сразу же поясняющее любую неадекватность поступков.

– Угу, – недовольно проворчал меж тем Фима. – А они точно так же говорят, мол чего там, это же осетины, или абхазы. И ручками точно так же машут...

Водитель ничего не ответив резким жестом воткнул передачу, и наша машина дальше запрыгала по проселочной дороге.

Да, судя по всему, командировка не обещает быть легкой и веселой, как вначале предполагалось. Собственно и изначально такое предполагалось только Фимой Федорцовым, фото-

корреспондентом и пупом земли. Я, как маленький ассистент при этой космической величине сразу мыслил гораздо более приземлено. Да, конечно, кавказское гостеприимство, шашлык из молодого барашка, домашнее вино из собственных виноградников и лезгинка, как неотъемлемые части местного колорита, мерещились моему горе-однокласснику вовсе не зря, и при минимальном приложении усилий и наличии некоторых денежных средств, все это можно было бы отыскать даже здесь, не говоря уж о Северной Осетии. Вот только на первый план все явственнее выходила неприглядная изнанка жизни непризнанной республики, разом перечеркивая всю традиционную экзотику. Ну какая, к чертям, может быть лезгинка в то время, когда на дорогах вот так вот запросто стреляют по людям? До кавказского колорита ли тут?

Я все острее ощущал, как глубоко во мне просыпается что-то давно и прочно забытое, спавшее в потаенной глубине души с тех самых пор, когда я топтал эти горы сопливым срочником внутренних войск. Внутренних войск еще великой и могучей страны – Союза Советских Социалистических Республик. Правда уже одряхлевшего, впавшего в старческий маразм, но все еще мощного государства. Тогда еще Грузия вовсе не была за границей, а существовала всего лишь в качестве одной из союзных республик, как неотъемлемая часть единого целого. И никому из нас в то время и в голову бы не пришло говорить, что грузины чем-то лучше или хуже осетин и абхазов. Для нас они не отличались ничем. Но это для нас. Очень многие грузины, да и осетины тоже в то же самое время уже считали иначе. Потому и служба в здешнем полку внутренних войск была мало похожа на обычное унылое существование армейских гарнизонов. Уже тогда здесь шла самая настоящая война, с ранеными и убитыми, с сожженными и разоренными селами, с ограбленными и изнасилованными мирными жителями, со своими героями и мерзавцами... В общем самая обычная война со всей положенной атрибутикой, разве что не такая масштабная, как войны из фильмов и учебников истории. Но крошечной песчинке – человеку, обычно вполне достаточно своих личных маленьких бед и несчастий и нет дела до глобальных страданий целых народов. Так что для тех, кто смотрел на происходящее из Москвы и даже из Тбилиси все происходящее возможно и виделось небольшим внутренним конфликтом, как тогда модно было говорить «низкой интенсивности», но для тех кто был непосредственно вовлечен в круговорот событий изнутри, все смотрелось несколько иначе и вполне тянуло на личный конец света, этакий персональный Армагеддон. Ну посудите сами: если вдруг в ваш дом ворвутся вооруженные люди, которые изобьют вас до полусмерти и в чем мать родила вышвырнут на улицу с пожеланием убираться ко всем чертям и никогда не возвращаться обратно, а сам дом не долго сомневаясь подпалят со всех четырех углов, будет ли вам утешением, что подобное произошло только с вами и десятком-другим ваших соседей, а не с несколькими миллионами человек, как во Вторую Мировую войну? Вряд ли, я думаю... Наверное обрушившееся на вас горе и бедствия будут вполне сопоставимы со страданиями, что перенесли деды и прадеды, участники великой войны. И плевать вам будет тогда на то, что большие люди в Москве и Тбилиси успокаивающе назовут случившееся с вами «некоторыми перегибами национальной политики на местах».

Что бы вы сделали в этом случае? Молчите? Не знаете? Ведь у человека всегда есть выбор: умереть стоя, или позорно бежать. Что выбрали бы вы? Честно скажу, для себя я так и не решил. До сих пор не знаю ответа на этот вопрос... Зато знаю, что выбрали осетины. Они взялись за оружие. Сначала это были охотничьи ружья, да черт знает каким образом припрятанные с войны раритеты. Но для начала хватало и этого... Потом как-то очень быстро появились стволы посовременнее... Ничего удивительного, спрос всегда рождает предложение. Была бы где необходимость в оружии, а уж поставщики найдутся. И запылали в ответном огне грузинские села, запричитали над покойниками матери и вдовы... Началось. Положение осложнялось еще и тем, что здесь не было, да и не могло быть сплошной линии фронта. Национальная политика СССР, которая неуклонно проводилась здесь в жизнь железной рукой Коммунистической партии в течение многих лет привела к закономерным результатам. Не существовало в

принципе осетинской или грузинской территории, все было перемешано в одном вдруг разом забурлившем котле. Осетинские села соседствовали с грузинскими, бывало даже так, что граница противостояния делила пополам одно и то же село. На одном конце грузины, на другом осетинские ополченцы. А смешанные браки? Когда-то это было модно и поощрялось. Теперь же кровавый водораздел прошел прямо по семьям, разделив их на разные части.

Справедливо говорят, что нет ничего страшнее гражданской войны, той, когда не разбираешь толком: где свои, где чужие. Когда схлестываются между собой две правды, и нельзя однозначно сказать кто прав, кто виноват. Точнее можно: виноватых нет вообще, или нет правых, кому как больше нравится. Каждый бьется насмерть за себя, за своих близких, за само право существовать на этой земле, бьется с точно таким же как и он сам борцом за правое дело. Потому нет в истории человечества более жестоких войн, чем войны гражданские. Слишком похож на тебя враг, слишком легко понять его правду, стоит лишь на одно мгновение остановиться, опустить раскаленный автоматный ствол и задуматься, ставя себя на его место. А ведь понять, значит простить... Потому нельзя себе дать ни секунды на раздумья и сомнения, на той стороне не люди, а взбесившиеся звери, те, что должны быть уничтожены безусловно и беспощадно. Все до одного, просто стерты с лица земли... Такова изнанка любой гражданской войны...

И вот, посреди этой мясорубки, когда обе стороны опьянев от пролитой крови, своей и чужой уже плюнули на все божеские и человеческие законы, бесповоротно перейдя все оставшиеся рубежи, отбросив жалость, страх и сострадание сошлись грудь на грудь в решающей схватке, полк внутренних войск, состоящий из пяти сотен сопливых лопухих мальчишек призванных в эти горы из средней полосы России, получил вдруг расплывчатый приказ «обеспечить в зоне ответственности соблюдение правопорядка и социалистической законности». Командир прочитав поступившую в часть телефонограмму материл московских политиков, министерство внутренних дел и министра лично без малого десять минут, ни разу не прервавшись и не повторившись. Но что с того было толку? Кого могла остановить бессильная ярость и злость уставшего от неразберихи последних лет офицера? Приказ нужно было выполнять, или хотя бы симитировать его выполнение. Благодаря мудрости и честности командира, мы не полезли тогда умиротворять два в одночасье окунувшихся в туман кровавого безумия народа, ограничиваясь вывозом из опасных зон беженцев, да защитой от посягательств той и другой стороны самой территории полка. Но и этого нам тогда хватило с лихвой.

Я помню себя образца девяносто первого года – затравленного, перепуганного звереныша, не понимающего, что происходит вокруг, отчего вдруг разом рухнул привычный, казавшийся незыблемым, таким добрым и правильным мир. Почему? Чья в этом вина? Этот еще не окрепший ни духом, ни телом мальчишка был просто оглушен страхом, ужасом того, что происходило вокруг него. Он не верил ни в себя, ни в своих товарищей, не верил в способность их полка хоть что-то изменить. Своих офицеров он ненавидел и боялся. Боялся, пожалуй, даже сильнее, чем ненавидел. А еще он уже был готов убивать. Убивать из страха, чтобы не быть убитым самому. Я знаю, он с легкостью мог нажать на спусковой крючок автомата, даже не глядя, кто стоит под его стволом. Ему было все равно. Он хотел одного – вернуться домой живым. Он очень хотел вернуться. И ему это удалось.

Долгие годы прошедшие после дембеля я боролся с этим маленьким зверенышем. Загонял его в самые потаенные темные чуланы своей души, не давал ему высунуться оттуда. Заново учился верить людям и доброжелательно к ним относиться, привыкал к мысли, что вовсе не каждый из окружающих непременно желает мне зла. Учился побеждать страх перед темнотой, перед закрытой местностью, где не понятно, откуда может прилететь пуля снайпера.

Откуда снайперская пуля в слава богу пока еще мирной и спокойной Москве? Правильно, ни откуда! Я это не хуже вас понимаю. А теперь попробуйте объяснить это скорчившемуся где-то в подсознании мальчишке с привитыми армией инстинктами мелкого хищника... Ему

наплевать на логику и разум, он живет только чувствами, они не обманут, не подведут, потому что не подвели там. Там, где разум очень быстро отказал, не в силах справиться с увиденным, переварить и объяснить чудовищную жестокость происходящего. Вот так то. И плевать теперь на все рассудочные доводы, если то, проверенное в деле чутье говорит, что здесь не стоит задерживаться, потому что плохо просматриваются подходы, потому что вон оттуда с крыши может работать снайпер, или артиллерийский корректировщик. Попробуйте, поспорьте с собственной подкоркой, с намертво въевшимися в нее инстинктами. Я спорил, я настойчиво, шаг за шагом вытравливал из себя перепуганного мальчишку, обладающего шальной храбростью загнанной в угол крысы. Я планомерно и настойчиво убивал его.

Много лет я искренне считал, что победил в этой борьбе. Много лет, миновавших с тех пор до сегодняшнего дня. Сегодня я снова здесь, на той же самой земле. И тут вновь гремят выстрелы. И я чувствую, как еще только выходя из долгого летаргического сна в потаенных недрах подсознания все настойчивее и настойчивее начинает шевелиться тот самый, когда-то убитый мною звереныш. Он просыпается, властно заявляя о своем существовании, и нет сил удержать его в летаргии. Нет сил...

В Цхинвал мы въезжали уже после полудня. Дорога заняла без малого пять часов. Город был все такой же, почти точная копия того, что сохранилось в моих юношеских воспоминаниях. Обилие частной застройки, четырех-пятиэтажные скворечники хрущевок вперемешку с приземистыми основательными сталинками, и лишь ближе к центру более-менее современные дома. Машин на улицах практически нет, оно и понятно с бензином в республике напряженка. Угрюмый водитель не спрашивая нашего согласия притормозил возле гостиницы. «Алан», – вслух прочел я вытесненное на вывеске название.

– А что попримечнее ничего нет? – недовольно пробурчал себе под нос Фима.

Я почему-то думал, что водитель до ответа не снизойдет, но ошибся. Впервые за все время пути пожилой осетин развернулся назад и, смерив моего одноклассника вызывающим взглядом, сообщил:

– Очень легко смеяться над попавшими в беду людьми, приехав в бедную искалеченную войной страну из благополучной Москвы. Очень легко показывать им словом и жестом, что они дикари, живущие в невыносимых условиях. Вот только стоит при этом помнить, что если бы русские не бросили нас на растерзание грузинам, если бы не отказались от нас, то сейчас здесь все было бы по-другому. Не хуже, чем во Владикавказе, а может быть даже не хуже, чем в самой Москве.

Фима не нашелся что на это возразить и лишь жалко шмыгнул носом, опуская глаза.

– В этой гостинице, – продолжал меж тем говорить водитель. – Живут все журналисты, которые съехались в Цхинвал. Здесь есть и москвичи, и вообще иностранцы, и все они довольны. Да, у нас перебои с электричеством и водой, да, нет бензина и газа. Но мы стараемся, чтобы наши гости всегда жили как можно комфортнее. Намного комфортнее, чем живут даже самые важные люди в нашей республике.

Фима пробурчав себе под нос что-то вовсе уж неразборчивое принялся неловко выбирать из машины.

– Спасибо вам и удачной дороги, – я протянул водителю остаток обещанных денег.

– И вам спасибо, – кивнул он аккуратно пряча купюры в потертый дерматиновый кошелек. – Пишите правду про нас.

Я вышел из машины раздумывая об этом напутствии. Уже не первый раз я его слышал. То же самое сказал пограничник. Это же говорили суровые ополченцы на немногочисленных постах перед городом, которые мы пролетали практически без задержек. Похоже все эти люди уже не раз и довольно плотно сталкивались с тем, что представители СМИ, отработывая щедрые гонорары пытались их оболгать. К стыду своему я практически не знал, что за все эти годы писали в прессе о непризнанной республике. Старательно отгораживался от редкой и

разрозненной информации, стремился забыть о самом существовании этой маленькой страны, выкинуть из памяти эту землю и все на ней пережитое. Похоже это было ошибкой. Все возвращается в этом мире. Все-таки правы были марксисты-диалектики: история развивается по спирали, каждый раз повторяясь на более высшем уровне, раз за разом весь мир вращается по кругу. Вот и я снова вернулся сюда, в город, где мало что поменялось с дней мой молодости, и можно легко окунуться вновь в свою память. Интересно, если верна теория спирали, то что же меня ждет здесь на этот раз? Почему-то я вовсе не хочу знать ответ на этот вопрос... А может на самом деле я его уже знаю?

Администратор скучавший за стойкой в просторном холле встретил нас радушной улыбкой, сразу же засыпав риторическими вовсе не требовавшими ответов вопросами о том, как мы добрались, как наши впечатления от города, каково вообще самочувствие и здоровы ли наши семьи. Несколько огорошенные таким приемом мы, тем не менее, нашли в себе силы прервать потоки кавказского красноречья и пояснить, что очень хотели бы отдохнуть после дороги, и желательно было бы приступить к отдыху как можно скорее. В итоге формальности оказались чисто минимальными, посмотрев наши с Фимой паспорта, списав с них какие-то данные в специальный журнал, администратор вручил нам ключи от двухместного номера на четвертом этаже. «С прекрасным видом на красоты нашего замечательного города и всеми удобствами!» Последняя фраза меня несколько насторожила, уж очень сильно черноусый осетин подчеркнул ее голосом. Интересно, что он имел в виду под удобствами? Спросить что ли? А ладно, не до того, сюрпризом будет! Фима, шелестя купюрами, хотел было сразу же оплатить наш номер на неделю вперед, дольше мы здесь задерживаться не планировали, но администратор решительно замахал на нас руками.

– Нет, не надо! Не надо сейчас денег! Будете выезжать, тогда заплатите! Кто знает, где мы все будем завтра?!

– Традиционный восточный фатализм в действии. Яркий пример, – сморщившись сообщил мне Фима и тут же вежливо добавил, обращаясь уже к администратору: – Спасибо за доверие, можете не сомневаться, не заплатив мы не уедем.

Сверкая белозубой улыбкой осетин тут же заверил нас, что подобных сомнений у него и в мыслях не было. После чего последовал очередной обмен комплиментами и любезностями, грозивший затянуться до бесконечности. Мы уже пятились от стойки учтиво раскланиваясь будто китайские болванчики и улыбаясь так широко, как того только позволяли лицевые мышцы, когда администратор хлопнул себя с размаху по лбу.

– Простите меня, уважаемые! Забыл! Совсем забыл!

Мы невольно напряглись в ожидании каких-то неприятностей. Я с удивлением поймал себя на том, что уже давно не жду от любых неожиданностей случающихся здесь ничего хорошего. Вот и сейчас, я почему-то сразу подумал, что речь пойдет вовсе не о том, что мы миллионные посетители и выиграли приз. И, надо сказать, не ошибся.

– Я забыл показать вам, где у нас вход в подвал, – шустро выскакивая из-за стойки продолжал меж тем осетин. – Оставьте вещи пожалуйста здесь, не волнуйтесь, их никто не тронет. Идемте за мной, это важно.

– На черта мне сдался их подвал? – удивленно обернулся ко мне Фима, но все же последовал за администратором.

– Может быть там подпольное казино, или публичный дом? – нарочито весело предположил я, хотя у самого уже тревожно стукнуло сердце.

Семенивший впереди осетин услужливо распахнул оббитую железом дверь. От нее вниз уходили выщербленные каменные ступеньки освещенные тускло горящими на стенах желтыми лампами.

– Вот! – с непонятной гордостью сообщил администратор, указывая в копившуюся внизу темноту. – Даже свет есть!

– Да, гламурненько, – согласился с ним Фима, непонимающе глянув на меня. – Очень впечатляет. Еще бы неплохо этюды импрессионистов по стенам развесить. Для придания атмосферы, так сказать...

Кто такие импрессионисты администратор похоже не знал, так как на секунду замялся, переваривая незнакомое слово, а потом снова затараторил:

– Когда начнется обстрел, вам надо будет быстро спуститься сюда. Здесь очень толстые стены и надежное перекрытие сверху. Здесь вы будете в полной безопасности. Еще здесь есть запас воды и пищи, генератор для электричества и одеяла. Если что тут даже жить можно будет.

– Обстрел? – обескуражено протянул Фима во все глаза глядя на администратора, видимо ожидая, что тот сейчас скажет, что все это розыгрыш.

Но осетин невозмутимо пояснил, будто говорил о чем-то само собой разумеющемся:

– Ну да, обстрел. Грузины часто стреляют по городу.

Уже в номере все еще не пришедший в себя Фима схватил меня обеими руками за плечи, встряхнул заглядывая в глаза.

– Ты понимаешь? Понимаешь, о чем он говорил? Ты слышал, он не сказал «если вдруг начнется обстрел», он так и сказал «когда начнется обстрел»! Он был абсолютно уверен, что этот обстрел обязательно начнется, вопрос только когда! Что ты молчишь? Ты понимаешь, что это значит?! Они что, обстреливают город? Такого же не может быть?!

– Не должно быть, – задумчиво поправился он, ослабляя свою хватку.

Я легко высвободился из его рук и лишь неопределенно пожал плечами в ответ. Кажется я гораздо лучше своего взбалмошного приятеля представлял себе, что значат слова администратора гостиницы. Точнее это хорошо знал и представлял, девятнадцатилетний мальчишка, чьи знания и опыт с каждой минутой все более властно занимали внутри меня место опыта и знаний незнакомого ему уличного художника.

Вымотанные дорожными впечатлениями спать в тот вечер мы завалились пораньше, едва только солнце зашло за мрачные пики окружавших столицу республики горных вершин и за окном начало быстро темнеть. Удобные кровати, чистое белье, что еще нужно усталому мужчине для полноценного отдыха? Я заснул, кажется еще до того, как моя голова коснулась подушки. Несколько мешал раздражающий запах не то пыли, не то просто казенного нежилого помещения, не могу определить точно. Но я слишком устал, чтобы обращать внимания на такие мелочи. Обычно я сплю очень чутко, нервно, просыпаясь от малейшего звука, ну исключая конечно шум постоянно снующего за окном моей московской квартиры-студии городского транспорта, иначе я давно бы уже сошел с ума от бессонницы. Но тут сказывается многолетняя привычка не обращать внимания на неизбежный раздражитель. А вот стоит допустим ко мне подойти, даже осторожно, на цыпочках, как я тут же проснусь. Ничего не поделаешь – особенность организма, доставлявшая мне не мало хлопот в те короткие периоды, когда мое извечное одиночество пыталась разделить очередная представительница прекрасного пола. Да и сам процесс отхода ко сну в домашних условиях не так-то прост. Тут и неизбежный стакан кефира, обязательно маложирного, выпиваемый перед сном, и неспешное чтение при свете одинокого бра над широкой двуспальной кроватью и ритуальный знакомый каждому с детства пересчет овец. В общем множество всяческих условностей, призванных сделать переход к просмотру сновидений легким и комфортным. Причем нарушение любой из привычных составляющих, могло обернуться нешуточной бессонницей, с раздражающим ворочаньем в смятой постели до самого утра. А уж на новом месте, если мне вдруг случилось выбраться в гости с ночевкой, или в какое-нибудь путешествие, первая ночь однозначно проходила в мучительных бдениях. Здесь же, как ни странно, уснул я просто мгновенно, и без всяких сновидений, будто разом провалился на дно глубокого черного колодца. Наверное слишком силен был эмоциональный стресс от массы пережитых за день событий, шок от встречи лицом к лицу с давно похоронен-

ным прошлым, заставивший меня так перенапрячь издерганную нервную систему, что ей было уже не до всегдашних капризов.

Разбудил меня среди ночи далекий грохот. Точнее не разбудил, а как бы вывел на верхний слой сна. Я ясно осознавал кто я такой, где нахожусь, мог вполне адекватно соображать, но при этом продолжал спать. Глаза мои оставались закрытыми, дыхание ровным и для того, чтобы заставить себя пошевелить хотя бы мизинцем нужно было приложить почти невероятное, абсолютно невозможное усилие. Такие ощущения хорошо знакомы тем, кто имеет опыт длительной караульной службы. Тебя будят для заступления на пост, мозг уже включился, разорвав связь с сонным миром Морфея, а уставшее, протестующее против подобных издевательств тело назло ему продолжает спать, отказываясь подчиняться волевым приказам. В таком состоянии можно находиться достаточно долго, словно балансируя под толщей воды, не опускаясь на дно, но и не выныривая на поверхность. До тех пор, пока мозг не победит пассивное сопротивление организма и не вырвет его из пелены сна, ну, или пока сам не погрузится вновь в сон, если импульса волевого усилия окажется недостаточно. Одним словом, я завис между сном и явью, прекрасно понимая, где нахожусь, разбуженный непонятным грохотом за окном. «Что бы это могло быть?» – лениво размышлял я, ощущая как меня постепенно вновь омывает теплыми волнами безмятежный ночной покой, начиная ласково покачивать и уносить обратно, назад к счастливому, несущему отдых забытью.

Но тут грохнуло еще раз, потом еще. На этот раз гораздо ближе. Словно сумасшедший музыкант раз за разом лупил по огромному барабану здоровенной колотушкой. А потом в поддержку ему грянули литавры, густо заворчали где-то в отдалении громовые раскаты, и ударила быстрая четкая дробь мелких но звонких тамтамов. Ну полный симфонический оркестр! «Да что там происходит, черт возьми? Гроза что ли началась?» И тут замершую на мгновение тишину звенящей нотой пронзила смутно знакомая трещотка, потом еще и еще раз... Я уже слышал такое, я знал, что это за звук, вот только не мог вспомнить точно... Не вызывало никаких сомнений только одно, к грозе и вообще к природным явлениям он не имел ни малейшего отношения. Что-то будто толкает под локоть. Какая-то навязчивая мысль, которую никак не удастся ухватить неповоротливым оглушенным сном сознанием настойчиво зудит, требуя проснуться и что-то предпринять. Что и зачем не понятно, но проснуться надо обязательно.

Собравшись с духом заставляю себя резким рывком приподняться на постели и раскрыть глаза. В первую секунду кажется что вокруг темнота, хоть глаз коли, но тут же становится ясно, что это впечатление обманчиво. В комнате достаточно света, ночь безоблачна и яркие горные звезды бесстыдно заглядывают в не закрытое шторой окно. В их мертвенном свете все кажется серебряным и нереальным.

– Андрей, Андрей...

Слабый шепот с другого конца комнаты. Поворачиваюсь на звук. Фима сидит на своей кровати зябко ссутулив плечи, его лицо бледный, выхваченный из темноты звездным светом блин, обращено ко мне. В глазах стынет ужас, они широко распахнуты и выделяются темными провалами, из этих провалов сочится мутный даже на физическом уровне осязаемый страх.

– Андрей, это что... – дрожащим голосом начинает он.

И в этот момент где-то за окном раскатисто гремит та самая показавшаяся мне смутно знакомой трещотка. «Да это же пулемет, придурок!» – услужливо подсказывает кто-то до поры прячущийся внутри меня. Да, пулемет, точно, никаких сомнений. Самый обычный ручник – РПК, я не раз слышал его голос за время армейской службы, могу даже приблизительно определить по звукам расстояние до стрелка. Километр, может чуть больше. Стрельба доносится с юго-востока, с окраины города. На все это осознание в реальном времени уходит ничтожная доля секунды и я уже открываю рот, чтобы поделиться своими наблюдениями с Фимой, как вновь грохочет то, что в полусне я принял за гром. На этот раз звук сильнее и вроде бы ближе.

Гулкие удары бьют в небо раз за разом. Я замечаю, как начинают мелко трястись некрасиво прыгая на перекошенном лице губы моего одноклассника.

– Это обстрел! Тот самый, про который нам говорили! – драматическим шепотом, верным предвестником близкой истерики возвещает он, не двигаясь однако с места и лишь обхватывая плотнее обеими руками голые зябкие плечи.

Еще секунда уходит на взвешивание его догадки. Не знаю, тут мое юношеское альтер эго пасует, под настоящим артиллерийским обстрелом я никогда не бывал, в то время до этого тут еще не дошло. Вообще-то похоже, грохот уж больно тяжелый, явно бьют пушки.

Фима неожиданно вскакивает и, путаясь в штанинах и не попадая рукой в рукава, начинает с лихорадочной поспешностью влезать в брошенный тут же на стуле спортивный костюм. На меня он не обращает больше ни малейшего внимания, суетливо роется в своей сумке пытаясь одновременно с натягиванием не расшнурованных по лености кроссовок дотянуться до бумажника с деньгами и документами.

– Ты чего? – осторожно спрашиваю его. – Чего подорвался?

– Сваливать надо, – не прекращая своего копошения лихорадочно сопит одноклассник. – Сваливать надо, пока сюда не ёбнуло! В подвал, на улицу, куда угодно, только быстро!

Зараженный его паникой я тоже начинаю суетиться, впопыхах одеваюсь, хватаю деньги и документы и практически одновременно с Фимой выскакиваю в длинный темный гостиничный коридор. Дверь в номер остается открытой, не до нее. Отчаянно топоча по крутым лестничным пролетам мы вываливаемся в холл первого этажа и замираем будто натолкнувшись на невидимую стену. Краска стыда сама собой ползет на горящие щеки, хочется провалиться сквозь землю тут же на месте. Ночной портье, молодой смуглокожий парень с едва пробивающейся на лице растительностью, спокойно сидит на своем месте за импровизированной стойкой, услышав наши торопливые шаги, он отложил книгу которую до этого читал и теперь рассматривал нас со сдержанным любопытством. По мелькавшим где-то на самом дне глаз веселым искрам я безошибочно понял, что он конечно же догадался о причине выгнавшей среди ночи двух журналистов в такой спешке в гостиничный холл. Но как же обстрел? Грозное гроыхание никуда не делось, и даже как будто бы усилилось, но этот коренной житель города на него никак не реагирует. Выходит опасности нет? Пока я размышлял замерев у входа в холл, более толстокожий и гораздо менее щепетильный Фима решительно просунулся вперед.

– Нам это... в подвал! – выдал он, окидывая портье безумным взглядом. – Поскорее бы!

Теперь паренек уже откровенно улыбался, покровительственно и чуть насмешливо.

– Не волнуйтесь, пожалуйста, – произнес он мягким хорошо поставленным как у оперного певца голосом. – Пока никакой опасности нет. Это обстреливают пригородные села. По городу их артиллерия сегодня еще не била.

– Ни хрена себя не волнуйтесь! – громко сглотнул Фима. – И что значит еще не била? Что может и будет бить?

– Может, – коротко кивнул осетин. – Вы тогда сразу поймете. Слышна будет не только канонада, но и разрывы.

– Так, – решительно рубанул воздух рукой фотограф. – Отпирай подвал! На хрен мне такое счастье?! Поймете, ишь, умник! А если первый разрыв в городе придется как раз на наш номер?! Что молчишь, а? Открывай, говорю!

– Фима, – попытался я урезонить разбушевавшегося одноклассника. – Какой подвал? Тебе же сказали, здесь безопасно, уймись!

– В задницу такую безопасность! – не желал успокаиваться перепуганный до полусмерти фотограф. – Я тут ради пары снимков свою жизнь положить не собираюсь! Она мне дорога, как память!

– Вы, наверное недавно приехали? – сочувственно улыбнулся мне портье.

– Да, сегодня только. Точнее уже вчера, – поправился я взглянув на показывающие половину первого ночи часы.

– Ничего, – успокоительно произнес паренек. – Скоро привыкнете, здесь последнее время такое часто...

– Что часто? Вот такая вот пальба по ночам? – вскинулся мой приятель. – Чего ты лепишь? Почему в таком случае об этом никто не пишет, не сообщает по телевидению? Почему нет никакой реакции миротворцев, совета безопасности ООН, наконец?

Молодой осетин уже собрался было что-то ответить, но тут по лестнице истерично процокали каблучки и в ведущих в холл дверях возникла растрепанная девица в кое-как натянутой в полнейшем беспорядке одежде. Ее блуждающий взгляд светился полнейшим безумием и истерикой. Только теперь я осознал, как мы сами выглядели минуту назад. И точно так же как мы, наткнувшись на картину мирной спокойной беседы нескольких мужчин и видимо сообразив, что конец света на какое-то время откладывается по неизвестным причинам, девица стыдливо потупилась.

– Я... Я..., – она никак не могла сообразить, как бы половчее объяснить свое ночное появление здесь в таком нелепом виде.

И деликатный портье тут же пришел ей на помощь, выскочив из-за стойки он склонился перед дамой в позе выражающей немедленную готовность к любым и всяческим услугам.

– Вас, наверное, разбудила эта безобразная стрельба? – он уже грациозно подхватил ее под локоток, преданно заглядывая в глаза.

– Д-да... в общем-то... наверное, – мямлила девица никак не могущая прийти в себя, доверчиво обвисая в его руках.

– Ужасно, ужасно, – возмущался меж тем парнишка, осторожно разворачивая ее назад к лестнице. – Прошу простить нас, но эти грузины... Они просто варвары, мешают отдыхать людям. Постоянно стреляют из пушек. Вы только не волнуйтесь. Может, хотите стакан воды?

Девица слабо затрясла головой, отказываясь.

– Тогда пойдемте, я провожу вас обратно в номер. Позвольте вас поддержать, здесь ступеньки...

Он обернулся за ее спиной к нам и, голову дам на отсечение, заговорщицки подмигнул, шельмец. Вот так вот, кому война и стрельба, а кому все нипочем.

– Интересно насколько далеко распространится его поддержка, – угрюмо пробурчал глядя вслед удаляющейся паре Фима. – Девица, конечно, тот еще крокодил. Но эти ребятишки своего шанса никогда не упустят. Знаю я их...

Вернувшись в номер Фима первым делом начал увлеченно рыться в недрах своей объемистой сумки что-то разыскивая, а я присел у окна и принялся бездумно смотреть в темную даль. Город отсюда казался мертвым, ни огонька, ни отблеска, никакого движения на улицах, даже собаки и те не лаяли. Только грохот орудийной канонады нарушал ночную тишину. Где именно идет бой из нашего окна было не видно, а жаль, мне отчего-то по-детски любопытно было посмотреть на то, как происходит этот обстрел. В ночной темноте он должен был представлять из себя очень эффектное зрелище. Спихватившись я мысленно себя одернул. Ишь, нашелся, ценитель художественной красоты, там сейчас под вражескими снарядами и минами гибнут люди, огонь уничтожает их дома, а тебе развлекаловку подавай. Панораму народных бедствий! Шуршание и копошение за спиной нервировали, и я уже развернулся к Фиме, чтобы сказать какую-нибудь резкость, как он вдруг вынырнул из горы разного бестолкового шмотья и с победным видом поднял над головой квадратную бутылку, приятно плеснувшую внутри.

– Видал? Настоящий виски! Такой пьют только джентльмены! Самая настоящая «Белая лошадь»! Как раз то, что нужно для снятия стрессов!

Мысленно я с ним согласился, алкоголь был сейчас как нельзя кстати. Прошлепав босыми ногами к окну, Фима взгромоздился рядом со мной на подоконник и надолго припал к бутылке.

лочному горлышку, забулькав затяжным глотком профессионального алкоголика. Наконец оторвался, тяжело отдуваясь и занюхивая рукавом спортивной куртки.

– Ты бы хоть закуску какую сообразил, алкаш, – посоветовал я, принимая из его потной дрожащей ладони бутылку.

– Плебей! – отдуваясь припечатал меня Фима. – Кто же закусывает виски? Ну разве что солеными орешками, так где ты их сейчас возьмешь?

– Ну не знаю, – усомнился я.

В благородных импортных напитках вроде виски, текилы, или рома я совершенно не разбираюсь. Ну честное слово, глупо мне кажется выкидывать совершенно нереальные деньги на то, чтобы попробовать огненную жидкость, что почти стопроцентно окажется какой-нибудь контрафактной или фальсифицированной гадостью. А не попробовав ни разу, как будешь разбираться? Другое дело Фима, тот всегда с детских лет был рисовщиком и показушником, для него просто не мыслимо употреблять тривиальную водку, пусть даже отличного качества. Нет, и здесь нужно выпендриться, именно поэтому в сумке оказалась эта бутылка вискаря, а не привычная каждому россиянину водяра.

– Мне кажется, виски положено пить со льдом и содовой... – начал было я нерешительно, но тут же был остановлен, так и не закончив мысли.

– Нечего тут кочевряжиться! То же мне принц нашелся! Лед ему подавай, не хочешь пить, не пей. Давай сюда пузырь, не задерживай!

– Ага, щас прям! – обрезал я потянувшегося уже за бутылкой приятеля и с опаской хлебнул из совершенно неудобной формы горлышка.

Виски воняло откровенной паленой сивухой, не знаю от того что теплое, или действительно так и полагается, но по мозгам ударило исправно, унимая сотрясающую руки противную дрожь, разливаясь где-то внутри приятным теплом. Глотку скрутило в мгновенном рвотном приступе, когда проглоченное пойло вдруг неудержимо запросилось обратно, но усилием воли я сдержался и протолкнул-таки остатки жидкости в желудок. На глазах аж слезы выступили. Но уже через несколько секунд на душе ошутимо захорошело. А окружающий мир стал гораздо менее гнусным. Фима молча выхватил волшебную бутылку из моих расслабленных пальцев и надолго припал к горлышку. Слышно было жадное бульканье, звездный свет выхватывал из темноты, расцветивая серебром, ходящий взад-вперед в такт глоткам кадык. Почему-то это зрелище показалось мне чрезвычайно забавным и я глупо хихикнул, прикрывая рот ладонью. Потом бутылка снова вернулась ко мне, и теперь теплое вонючее виски лилось внутрь уже без сопротивления, похоже организм осознал наконец, что эта отравка в данный момент ему просто необходима и смирился, посчитав ее меньшим злом.

Комната слегка покачивалась в темноте, словно палуба океанского корабля, звезды ободряюще подмигивали с неба, гладили лицо мягким рассеянным светом. Сосредоточенно присосавшийся к бутылочному горлышку Фима, казался милым и забавным малышом. Ага, отлученный от груди младенец, уже сам из бутылочки сосет, кажется так было у кого-то из классиков. Очень точно подмечено. Соответствует моменту. Фима наконец отлип от источника живительной влаги и шумно выдохнув, откинулся назад, опираясь спиной об оконную раму. Послышался странный дробный стук, тихий и неравномерный. Я не сразу понял, что это стучат зубы моего приятеля. Он вымученно улыбнулся в ответ на мой вопросительный взгляд.

– Можно подумать тебе не страшно, супермен хренов?

Страшно? Да, наверное... Впрочем не знаю, может быть я просто не успел испугаться? Не хватило воображения представить, жуткие последствия ночного обстрела для меня лично? Надо же, какая эмоциональная тупость, а еще художник. Отчего-то мне стало вдруг обидно за себя и, пытаясь взять некий реванш, я спросил с подковыркой:

– А ты что, прям вот так вот до судорог испугался? Ты же у нас отважный стрингер и на войне не в первый раз. Или врал тогда, что в Боснию ездил?

– Причем здесь это! – он досадливо отмахнулся рукой, вновь вне очереди припав к бутылке. – Тогда я молодым дураком был, теперь все другое. Да и не обстреливали нас там из орудий. Ты что, сам разницы ни фи́га не улавливаешь?

Я отрицательно качнул головой, тупо глядя ему прямо в глаза. Я действительно не видел никакой разницы. Да, наверное приятнее когда тебе аккуратно бамкнет прямо в лоб снайпер, и ты умрешь раньше, чем успеешь понять, что собственно произошло, чем если тебя разорвет, к примеру, пополам артиллерийским снарядом и придется корчиться в грязной пыли испытывая жуткую боль и видя рядом собственные оторванные ноги. Но ведь и смерть от пули тоже может быть разной. А если пулевое в низ живота? В мочевого пузырь? Видел я такие ранения в прошлой жизни – врагу не пожелаешь. А вообще-то скорее всего никакого принципиального различия нет, смерть, она смерть и есть, остальное уже малозначащие на практике детали.

– Бац, и все! – пьяно улыбаясь заявил я прямо в нервно вздрагивающее лицо Фимы и для пушей убедительности звонко хлопнул в ладоши. – Бац, и все! На хер я с тобой поехал, придурок?

– Идиот! Шут гороховый! – фыркнул одноклассник опять внаглую без очереди булькая бутылкой.

Оторвался, оттирая рукавом губы, силло вдохнул и пояснил свою мысль более развернуто:

– Пуля она тоже, конечно, бывает шальной, с дуру выпущенной. Но это редко. Как правило, пуля – штука адресная, лично кому-нибудь конкретному предназначенная. А на фотографа зачем пулю тратить? Он же тебе не друг и не враг, он в этих разборках и вовсе не участвует. Бывает, конечно, но чаще случайно, если вдруг попадешься под горячую руку. А пушки? Ты хоть сам представляешь себе, что это такое? Это как в анекдоте: «Посыпь его мелом, щас палицей ёбну!». Это как огромной дубиной. Хрясть, и все! Кто не спрятался, я не виноват! По всем разом, скопом, без разбора и сортировки. Без разницы кто ты: солдат, мирный житель, врач без границ, корреспондент... Один черт, не зарылся вовремя в землю, и кишки наружу... чувствуешь теперь разницу?

Я молча кивнул, забирая у него бутылку. Говорить с ним мне больше сейчас не хотелось, даже не из-за нарисованной только что яркими мазками замешанных на смертельном страхе красок картины. Просто не хотелось, скучен стал этот разговор. Это нелепое выворачивание наружу неадекватных, постыдных для мужчины чувств. Нет, не так, это я вру! В самом страхе нет ничего постыдного. Ничего не бояться только дураки и покойники. Бояться можно и нужно, в конце концов, страх бывает и вполне позитивный, главное не потерять от него голову, не позволить ему диктовать тебе дальнейшие действия, не поддаться ему, выстоять, оставаясь человеком. Не превращаться в этакое вот хнычущее над бутылкой аморфное существо. Тоже мне, а еще мужик! Распустил сопли! Смотреть противно! Однако сидящее напротив существо не желало униматься, оно в порыве пьяной откровенности продолжало увлеченно исповедоваться мне, требуя разделить его чувства, понять его, пожалеть...

– Я ведь чего туда поехал? Понимаешь, иначе нельзя было... Какой же ты, к матери, стрингер, если ни разу не был ни в одной горячей точке? Никакой! Полное фуфло! Никто с тобой работать не захочет, потому что у тебя нет ни имени, ни имиджа, и вообще ты никто... Обязательно надо съездить, обязательно! Ну, вот, я и поехал... – он всплеснул руками и покачнулся.

С минуту мне казалось, что вот сейчас он просто грохнется с подоконника, но после нескольких судорожных взмахов ему удалось вновь обрести равновесие.

– Тут ведь как? – продолжал Фима заговорщицким тоном. – Никто ведь тебя там не будет контролировать и смотреть где ты реально был или не был. И на войне люди могут устроиться нормально. Я в само Сараево, ну где реально бои были, и выезжал-то всего два раза в периоды затишья. Только тс-с! Никому! – он значительно прижал палец к губам, подозрительно

обводя взглядом пустую комнату. – Я же не дурак! Вооруженных до зубов вояк можно было нормально фотографировать и барах Пале. Они там даже колоритнее и воинственнее выглядели, чем на передовой. Те вечно грязные, ободранные, негероические совсем, а эти красавцы, кровь с молоком, косая сажень в плечах, амуниция и форма новенькие, оружие начищенное, совсем другое дело.

– А как же военные снимки? Ну там, убитые, раненые, солдаты идущие в атаку? – я против воли заинтересовался его рассказом и теперь мне хотелось разобраться во всех непонятных деталях.

Фима закашлялся, зашелся хриплым смехом.

– Ну ты и чукча! Зачем же для этого реально лезть под пули? Все очень легко можно просто сыграть в том же тылу. Инсценировать! Знаешь такое слово, Рембрандт ты наш? Вот то-то! Берешь побольше водки и едешь к любому местному командиру. Все решается без проблем, они как правило только рады засветиться в прессе. Ну для пущей достоверности, можно конечно съездить и туда, где идут настоящие бои, в период затишья. Ненадолго. Просто, чтобы быть в курсе.

За окном постепенно серело. Занимался рассвет. Громыхало теперь значительно реже и дальше. А может так просто воспринималось оглушенным алкоголем сознанием.

– Тебе хорошо, – неожиданно почти трезвым голосом заявил, оборвавший на полупhrазе очередную поучающую сентенцию Фима. – Ты-то здесь как рыба в воде. А мне, старик, не поверишь, действительно страшно...

Я про себя подумал, что очень даже поверю. Чего уж тут не верить, если страх так и пер из моего одноклассника тяжелыми смрадными волнами, которые не мог заглушить даже стойкий перегар иностранного самогона. Вслух же я произнес нечто другое:

– Чего это мне хорошо? Чем я от тебя отличаюсь? Вместе же приехали, ты еще и старший к тому же. Сам же меня сюда заманил.

– Вот потому и заманил, – обстоятельно кивнул одноклассник. – Ты что думаешь, Фима Федорцов дурак? Нет, брат, Фима Федорцов далеко не дурак. А где-то даже очень умный парень. Ты же служил в этих местах, так? Так. Что думал я об этом позабыл? Не-ет, шалишь, брат! Служил здесь, значит хоть как-то знаком с местными нравами и обычаями. Плюс живешь с осетинкой. Тоже немаловажно.

– Она только наполовину осетинка, мать у нее русская, – автоматически поправил я.

– Не важно, – отрезал Фима, решительным жестом руки отменяя все мои попытки возразить. – Она же тебе даже адрес своих родственников дала! Вот и выходит, что ты здесь почти что у себя дома, а я будто кур в ошип попал. Да еще сразу под артобстрел! Тоже понимать надо!

– Господи, да не было ведь никакого обстрела! – уже не выдержал я. – Уймись ты, наконец! Стреляли по селам в нескольких километрах от города. Вот там да, там люди под обстрел попали. А ты тут сидишь сопли распустил невесть из-за чего. Еще мужик, стрингер, бля! Слово-то какое для себя изобрел! Самому не стыдно, причитаешь, как баба беременная!

– Черствый ты человек, Андрюха! – Фима обвиняющее уставил в меня ходящий туда сюда в такт покачиваниям его тела указательный палец. – Черствый и злой! Даром, что художник! Не буду больше с тобой пить! Все! Сиди здесь один, а я... Я удаляюсь!

Гордое окончание фразы малость подпортила неудавшаяся попытка величественно встать с подоконника. Подломившиеся не вовремя, ноги отказались держать вертикально шатающийся организм и набульбенившийся стрингер сделав несколько неверных заплетающихся шагов тяжело рухнул на кровать. Не на свою, между прочим. После чего с минуту повозившись, мощно захрапел. Ну, слава богу, пусть дрыхнет, болезный, лишь бы не облевал мне постель. Хотя, черт с ним, если что, потом просто поменяемся местами и пусть сам спит в своей блевотине.

Спать не хотелось. Глотнув еще виски, уже плескавшегося на самом доньшке опустошенной бутылки, я с ногами забрался на подоконник и закурил, поглядывая на спящий город. Канонада, гремевшая на окраинах постепенно смолкла, лишь нет-нет да хлопала звонко какая-то неугомонная пушчонка далеко на юге. Видимо, вела огонь в дежурном, беспокоящем режиме, обстреливая вражеские позиции. Ей никто не отвечал, похоже все уже привыкли, а может после ночного налета ее одинокие выстрелы, просто не воспринимались как серьезная угроза.

Мысли текли на удивление спокойно и ровно, алкогольный дурман рассеялся, как и не бывало, будто и не пил вовсе, сознание было на удивление спокойным и ясным. Легкий прохладный ветерок летящий с окрестных гор приятно остужал разгоряченное лицо, а тлеющая в пальцах сигарета дарила ощущение полного умиротворения. Словно и не в центре осажденной столицы непризнанной республики я находился, а сидел на подоконнике своей уютной квартиры-студии, практически в самом центре Москвы.

* * *

Мягкий импортный карандаш словно сам по себе ходил по бумаге, казалось можно сейчас полностью отключиться, даже закрыть глаза, и он самостоятельно, без моего участия нарисует все, что нужно. Может еще и лучше у него получится, чем у некоторых самозванных художников! «Но! Но!» – тут же одернул я себя отрекаясь от пусть шутивного, но все же самоуничтожения. Так недалеко и до того, что можно взять и испортить портрет. Запросто! А если такое произойдет, то будет невыразимо, прямо до слез жалко. Жалко даже не испорченной бумаги и потраченного времени, не гонорара, который в таком случае наверняка не заплатят, бывали уже, знаете ли, прецеденты... Жаль будет того разочарования, что неизбежно мелькнет в ореховых глазах сидящей напротив девушки, в тех самых, что сейчас смотрят так мягко и мечтательно, будто видят перед собой не запруженный бестолково толкущимся у сувенирных палаток народом Арбат и пачкающего бумагу заштатного художника-неудачника, а как минимум самого великого Леонардо оживляющего загадочную улыбку Моны Лизы в своей мастерской. Да, именно, вот так волнующе, смотрят только на мастеров, на волшебников, которым доступно невозможное. Обмануть детски наивное восхищение сквозящее в этом взгляде просто нельзя. Потому каждое движение карандаша, каждый штрих точно выверен и волнителен, будто легкое прикосновение к отзывающемуся чувственным камертоном обнаженному женскому телу. Вот как завернул, даже самому понравилось! Закусив от старательности губу я принялся накладывать серию быстрых точных штрихов, что должны были передать легкую тень отбрасываемую длинными ресницами девушки.

Портрет на глазах оживал. Едва намеченные контуры лица проступали все яснее, наполнялись жизнью. Этот процесс всегда завораживал меня сам по себе. Чувствуешь себя кем-то сродни творцу, этаким демиургом, которому подвластны жизнь и смерть, могущим своей волей прорвать мертвую холодную белизну бумажного листа, заставив его расступиться, выпуская на поверхность равнодушного белого льда человеческое лицо. Живое, полное чувств и помыслов. Пусть оно лишь слепок с сидящей напротив натуры. Отпечаток, застывший в вечной статичности двухмерного бытия, но искра жизни в нем все равно есть. Я никому не рассказываю об этом, но искренне верю, что портреты, нарисованные хорошими художниками живут. Живут своей непонятной нам жизнью. Кто знает, быть может рука мастера открывает им двери в иные миры, иные вселенные, те, где время течет так медленно, что мы просто не замечаем его. Что если доли секунды в существовании портрета, это миллионы лет нашей Земли? Что если через несколько тысяч лет Мона Лиза прекратит улыбаться и склонит голову на грудь? Впрочем, даже если это так, вряд ли кто-нибудь будет в силах заметить такую перемену. Время, все проклятое время, уж больно по-разному течет оно в наших измерениях: привычном трехмерном

– людей, и двухмерном – созданных ими портретов. Маленькие срезы застывшей жизни, истории одного человека... Песчинки по сравнению с силами окружающего мира. Но песчинки, способной многократно воссоздать себя вновь и вновь...

Чуть раскосые глаза опущенные темным пологом ресниц глянули на меня с белого листа, глянули с грустным всезнанием и мудрой печалью, вовсе не так как смотрела сидящая напротив девушка. Но мне почему-то показалось, что именно такой взгляд будет для нее правильным, настоящим, что ли... Соответствующим ее настоящему образу, тому внутреннему миру, что любой человек старательно прячет от окружающих, могучему и прекрасному. В ней определенно было что-то необузданное, дикое, первобытное... Так должны были выглядеть подруги былинных богатырей, женщины легендарной расы перволюдей, амазонки, наконец. Такой вид совершенно не вязался с шумящей вокруг толпой, со скучающим снобизмом москвичей, с тупой восторженностью провинциалов... Она вообще не вязалась с этой улицей, с этим городом, ее место было не здесь. Не в этой стране, не в этом времени...

Я еще раз взглянул на замершую передо мной девушку. Да, действительно, я не ошибся, в лице ощущалась ясная примесь азиатской крови, она проскальзывала и в миндалевидном разрезе глаз, и в необычной для европейца форме скул, и в чуть более темном, чем обычный загар цвете кожи. Но странным образом это ее ничуть не портило. Мне вообще то не слишком по душе азиатки, может это следствие скрытой от меня самого бессознательной ксенофобии, может каких-то предпочтений на генном уровне, не знаю, но очень редко можно встретить среди них действительно красивую на мой взгляд женщину. Поэтому, я всегда скептически относился к стонам некоторых классиков нашей литературы по волшебным луноликим красавицам Востока. Где они их только находили? Бывал я на Востоке, но и близко не испытывал их восторгов. Однако сейчас просто глаз не мог оторвать. Вот это был Восток! Не тот, что хрупкими нежными цветками выращивался в шахских гаремах, не тот, что извивался в прозрачных шелках перед арабскими султанами. Нет! От этой девушки пахло вольным степным разнотравьем, бьющим в лицо жарким ветром, почему-то очень легко было представить ее в древних скифских доспехах, на горячем, пляшущем от нетерпения под седоком жеребце, с луком и колчаном за спиной. И чтобы эти черные, цвета воронова крыла волосы, тяжелыми волнами спадающие на плечи, бурей развевались за спиной, а изящная головка в стальном шлеме была гордо вскинута вверх. Женщина-воин, чем-то напоминающая персонажи картин Бориса Валуев. Нет, не место ей посреди замотанной, вечно куда-то спешащей, суетливой и бестолковой Москвы. Никак не место... Откуда же ты взялась здесь? Каким ветром тебя сюда занесло? Зачем?

– Послушайте, я, конечно, понимаю, что вы мастер, и сами знаете что и как надо делать. Но может быть вы уже начнете опять рисовать?

Скрипучий недовольный голос вывел меня из задумчивости. Я даже не заметил, что карандаш замер, так и не закончив очередной линии. Предатель! Тоже мне, а ведь совсем недавно порывался рисовать совершенно без моего участия! Черт, неудобно получилось. Увлечшись разглядыванием очаровательной незнакомки, я кажется всерьез оскорбил в лучших чувствах ее подругу, агрессивно выкрашенную в бело-розовый цвет особу, подчеркнута столичного вида. Кротко глянув в сторону второй девушки я изобразил печальный вздох и как можно жалостливее попросил:

– Извините, не могли бы вы не сбивать меня с нужного настроения. Я же художник, а не робот-рисовальщик. Если делать портрет без души, без погружения во внутренний мир, он ничем не будет отличаться от плохой черно-белой фотографии.

Бело-розовая демонстративно фыркнула, с видом оскорбленной в лучших чувствах страдальцы за правду. Похоже моя реприза вот так вот даром не пройдет. Не тот тип женщины попался, привыкла что последнее слово всегда должно быть за ней. Из той серии дама кото-

рых только зацепи, потом не заткнешь. Наверняка с «достойным» ответом не задержится. За такими никогда не ржавеет...

– Вы пока пытались заглянуть в этот ваш внутренний мир, чуть дырку в Луизе не прожгли. Художник...

Последнее было сказано с таким горьким пренебрежением, что основная причина негодования бело-розовой особы стала абсолютно ясна. Ну еще бы, как смел мужчина, пусть даже из породы бестолковых неудачников и аутсайдеров по жизни, к коим несомненно причислялись уличные художники, в присутствии такой королевы, столь непозволительно уделять внимание кому-то другому. Просто возмутительный факт! Зато теперь я знал имя очаровательной незнакомки. Надо же, Луиза! Звучит как забытая нота из старинного романса. А если прибавить сюда еще и внешность... Неужели иностранка? Француженка? Испанка? С каждой минутой все интереснее...

– Во-во, опять, глазки так и липнут!

Три раза черт! Ну как можно было еще раз наступить на те же самые грабли?! Снова задумался, поплыл куда-то в мечтаниях, дав разноцветному врагу основание еще раз выступить с выражением праведного гнева.

– Вы что думаете, нам больше заняться нечем?! Или мы теперь должны полдня тут торчать, пока вы дорисуете?

Собрав волю в кулак, останавливаю уже вертящуюся на языке колкую фразу. Нет, хамить клиенту последнее дело, а друзьям и спутникам клиента тем более... Увы это Дюрер с Веласкесом могли демонстрировать при королевских дворах некое свободолобие, отказываясь рисовать неприятных им вельмож. Эх, было времечко! Современный портретист, по-крайней мере моего уровня такой привилегии лишен начисто. Будешь кочевряжиться останешься с пустым карманом и придется идти работать в метро машинистом. Вон во всех вагонах московской подземки объявления понаклеены. Интересно, почему у них такой дефицит машинистов? Едят они их там, что ли? Впрочем сейчас это к делу не относится, сейчас нужно унять бело-розовую фурию, так, чтобы она не мешала мне работать, но при этом не утащила в гнев прекрасную Луизу, француженку-испанку, оставив меня без гонорара. Изобразив на лице приличествующую случаю покорность злой судьбе и призвав на помощь всю кротость невинного агнца, которую только удалось наскрести по тайным сусекам души, отвечаю:

– Простите, мадемуазель. Служение музам не терпит суеты. Увы, но создание портрета требует времени. Придется чуть-чуть потерпеть...

Бело-розовая вновь презрительно фыркает. Ну прямо как морж в московском зоопарке. Я наблюдал его еще сопливым мальцом, но почему-то картина намертво врезалась в детскую память. Вот именно так он и фыркал с презрительным высокомерием оглядывая собравшуюся за решеткой толпу. А потом неожиданно шлепнулся в воду, обдав всех присутствующих целым фонтаном брызг. Я после долго не мог отделаться от мысли, что сделал это морж абсолютно сознательно, таким недвусмысленным образом выражая досужим зевакам свое к ним отношение. А еще говорят, что животные начисто лишены разума, а значит и таких присущих только человеческим существам качеств, как высокомерие, коварство и подлость, ага, как же, держите карман шире!

Почему-то тут же пришло ощущение того, что бело-розовая тоже вот-вот устроит мне незапланированный холодный душ, в фигуральном смысле, конечно. Хотя с нее станется и буквальный, знаю я таких моржих. Но неожиданно мне на помощь пришла сама Луиза.

– В самом деле, Наташ, ну чего ты мешаешь мастеру работать? Это же сложно рисовать не в студии, а посреди толпы, все и так отвлекает, а тут еще ты...

Голос незнакомки звучал просто божественной музыкой. «И верно ангельский быть должен голосок...» Только в нашем случае в отличие от классической басни голос тоже не подкачал и вполне соответствовал внешности. Глубокий и звучный, наполненный едва заметной

волнующей грудной хрипотцой. Черт! Что-то вы, батенька, слишком разволновались. Может температуру померить? Холодный компрессик? Не влюбились ли часом с первого взгляда? Решительно помотав головой, чтобы вытрясти витающий в мозгу сладостный дурман, берусь за карандаш. Бело-розовая права на все сто – обычный коммерческий портрет я закончил бы уже давно, вполне возможно успел бы написать за это время даже еще один. Но сейчас я просто не в силах позволить карандашу порхать по бумаге с обычной скоростью, не в силах, потому что едва я закончу, Луиза легким грациозным движением поднимется с колченогого стула и навсегда растворится в шумной московской толпе. Я больше никогда ее не увижу. Тут не бывает шансов на случайную встречу, это Москва.

– Ну, знаешь! – возмущенно вскидывает тем временем подбородок моржиха. – Если бы я знала, что этот тип будет целый час нас муржить...

– А ты пойди, пока загляни в какой-нибудь магазин, – даже недослушав спокойно и миролюбиво предлагает Луиза. – Что ты в самом деле стоишь, мучаешься? Прогуляйся чуть-чуть, чтобы время скоротать. А я тебя здесь буду ждать.

Меня будто электрическим током пробивает от макушки до пяток, хорошо карандаш вовремя оторвал от бумаги, а то бы он сейчас изобразил поверх портрета четкую синусоидальную характеристику этого разряда почище любого осциллографа. Возможно, мне, конечно, просто привиделось, но при последних словах Луиза мне заговорщицки подмигнула, потихоньку, так, чтобы не видела ее подруга.

– Ладно, – цедит сквозь зубы бело-розовая Наташа резко разворачиваясь на каблучках и выбивая ими по асфальту возмущенную дробь.

Нет ни малейшего сомнения, что в дальнейшем Луизу ожидает весьма неприятный разговор, в ходе которого ей выскажут немало претензий по поводу неадекватного поведения и прочтут лекцию о надлежащем отношении к обслуживающему персоналу: официантам, парикмахерам, швейцарам и уличным художникам в том числе. Эх, надо было все же пойти работать машинистом, там по-крайней мере клиенты отделены от тебя стенками вагонов и не могут демонстрировать свое недовольство. И ведь не поставишь наглецов на место, хоть тресни. Рыночная экономика, мать ее! Клиент всегда прав! Однако здесь и сейчас я похоже одержал убедительную победу. Поймав лукавый взгляд Луизы, начинаю с деловым видом усиленно скрипеть грифелем по бумаге. А я что, я ничего! Работаю вот! Из всех сил тороплюсь, прошу заметить!

Луиза продолжает смотреть выжидательно, где-то в самой глубине ее ореховых глаз мелькают еле видные отсюда веселые бесенята. Ободренный их непрекращающейся игрой, осторожно подбрасываю первую зондирующую фразу:

– Какая строгая у Вас подруга... Похоже она осталась не слишком довольна... Попадет вам теперь.

– Да уж, – улыбается Луиза, склоняя голову к плечу и пытаясь заглянуть за стоящий между нами мольберт.

У меня перехватывает дыхание, настолько она в этот момент хороша. Причем красота ее будто существует сама по себе. Знаете, такая, самодостаточная, не подразумевающая под собой никакого продолжения. Не содержащая призыва к самцу, не будящая сексуального желания, страсти, мании обладания... На нее просто хочется смотреть, восхищаться созданным природой совершенством. А может это просто у некоторых на тридцать пятом году жизни начались первые сбои естественных потребностей здорового мужского организма. Кризис среднего возраста, так сказать... Мелькнувшая мысль вызывает лишь мимолетную ухмылку, нет, с организмом все пока в порядке, тьфу, тьфу, тьфу... Просто я художник, мне подвластно необъяснимо острое наслаждение созерцанием, к сожалению недоступное большинству моих современных сограждан за отсутствием под телесной оболочкой души и внутренней культуры. Вот так вот! И попробуйте мне возразить, я вас вообще размажу по полу целой кучей затейливых фраз и обо-

готов из мира высокого искусства, о котором вы не имеете ни малейшего понятия. Я, впрочем, тоже... Так, нахватался по верхам в художественной школе разных умностей, а теперь корчу из себя зрелую, духовно развитую личность. Но девушка определенно хороша... Чувствуется в ней на интуитивном уровне некая свежесть и неиспорченность... Поспорю на все свои краски и карандаши против пачки дешевых сигарет – она не москвичка. Не делают таких больше в столице, не делают... Москвичи теперь отдельная нация, со своим собственным, абсолютно отличным от общероссийского, национальным менталитетом и такие вот цветки прерий, здесь просто не выживают, климат не тот. Экология, опять же неважная, загазованность...

– Подруга ваша, наверное, коренная москвичка, – вопрос задаю нарочито рассеянным тоном, демонстрируя, что полностью поглощен работой.

– Да, как вы угадали?

Голос звенит серебряными колокольчиками, журчит весенним ручейком... Ой, держите меня семеро! Вот оно, седина в бороду – бес в ребро. Ишь, старый козел, потянуло на молоденьких. Честно говоря, седины пока нет, только одна маленькая прядка на виске, но это давно, с армейских времен, к тому же имеется более чем уважительная причина. Ну не козел уж точно, хотя есть что-то такое в характере, некая любовь к переменам, а может поиски несуществующего идеала из-за чего собственно до сих пор не женат.

– Очень просто, – заговорщицки понижаю голос и корчу озабоченную рожицу. – Она вся такая деловая и строгая, просто жуть. А вот вы наверное совсем не отсюда?

Луиза улыбается, кокетливо взмахивая ресницами. Вот только кокетство это совсем не привычное жеманное, а как бы естественное изначальное, ведущее свои корни из той самой любовной магии, которой сполна владели наши далекие предки. Меня прямо в жар бросило от этой улыбки.

– Выходит, я совсем не деловая и не строгая? Сомнительный комплимент для современной девушки...

– Нет, я хотел... То есть... – совсем потерявшись я замолкаю.

Действительно не слишком удачно получилось. Чувствую, как кровь помимо воли приливает к щекам, и ощущаю себя полным идиотом. Надо же дожить до тридцати пяти лет и мучительно краснеть общаясь с молоденькой кокеткой! Вот уж точно, глупее что-нибудь придумать трудно. Расскажи кому, не поверят! Она, видя мое смущение, вновь улыбается, довольно и немного покровительственно. Красота – страшная сила, особенно в тех случаях, когда сама это осознает. Луиза наверняка знает цену своей внешности, привыкла к производимому ею на представителей противоположного пола эффекту, потому и ведет себя соответственно, чуть насмешливо и снисходительно, ощущая всю полноту своей власти над очередным обалдевшим самцом.

– Да я и в самом деле не москвичка, вы угадали... – задумчиво глядя поверх моей головы вдоль улицы тянет она.

Сейчас по логике вещей следует спросить откуда и зачем она приехала в Москву, это стандартное развитие диалога. Видно, что она уже внутренне ждет этого вопроса и неосознанно подбирает ответ. Именно поэтому ничего подобного я произносить и не буду. В подобных делах нет ничего более убийственного, чем следование логически выверенному шаблону. Так никого не заинтересуешь, не привлечешь внимания. Следующий ход просто обязан быть неожиданным, пробивающим уже выстроенную натренированным подсознанием красивой девушки броневую защиту от очередного уличного приставалы. Подобно изящному уколу тонким острием шпаги, проскальзывающему сквозь сверкающую паутину парирующего выпад клинка противника. Да, на мой взгляд, разговор с красивой девушкой, если он конечно ведется не просто от скуки чтобы скоротать время, всегда подобен поединку двух фехтовальщиков. Выпад сменяется изящным кружевом защитных уверток, за которыми вновь следует тщательно подготовленная атака. Еще это похоже на теннис: атакующая подача, отбив, снова подача... Но мне

больше нравится фехтовальная аналогия. Теннис занятие слишком мирное, а здесь происходит извечная игра не на жизнь, а на смерть, сопровождающая повседневную битву противоположных полов. И она носит отнюдь не щадящий миролюбивый характер теннисного сета. Нет, тут идет настоящий поединок, дуэль! И горе побежденным!

Я в силу своего возраста достаточно искушен в правилах этой игры и потому считаю, что мои шансы на победу достаточно высоки. О, я хорошо изучил за прошедшие годы своего извечного противника, знаю присущие ему слабости и наоборот сильные стороны, чувствую, когда наступает удобный момент для атаки, а когда стоит закрыться в глухой защите. Я очень многое знаю. Жаль только что нет на этой планете даже двух совершенно одинаковых существ женского пола, и приемы, финты и увертки идеально подходящие для одной дамы, увы, совершенно не действуют на другую. Можно выделить лишь какие-то расплывчатые общие тенденции, некие присущие многим закономерности, а на практике каждый поединок несет за собой новое знание, отличное от предыдущего.

А еще меня часто посещает мысль о том, что для моей очередной соперницы вся наша дуэль с метанием сверкающих стальных жал, с лязгом соударяющихся шпаг, высекающих друг из друга искры, всего лишь забавная игра в которой она знает все ходы наперед, и еще до первого выпада планирует в какой именно момент позволит мне насладиться иллюзией добытой в тяжелой борьбе победы. Ну или точным неожиданным выпадом, легко обходящим самую надежную защиту, сразить меня наповал. Тут уж как повезет... Главное в том, что как прирожденная фехтовальщица, даже молоденькая неискушенная женщина на голову превосходит самого опытного, гордящегося сотнями прошлых побед ловеласа. И на самом деле никакого поединка нет, есть только забавная игра, результат которой всегда известен заранее. Что ж может оно и так, но сражаться все равно каждый раз приходится в полную силу. Иначе соперница может решить, что ты слишком слаб для нее. Итак, мой выпад!

– Вы знаете, на самом деле, я вовсе не художник, – я говорю спокойно и ровно, глядя ей прямо в глаза.

Есть! Вот этого она не ожидала, в темной глубине зрачков против воли мелькает удивление, чуть вздрагивают губы, а голова склоняется еще ниже к плечу. Туше! Теперь она ждет объяснений. Она в них заинтересована, и ее внимание будет приковано к тому, что я сейчас скажу. Это первый проблеск интереса лично ко мне.

– Художник, это тот, кто умеет создавать образы. Творить из ничего новые неизведанные миры, пусть даже полностью похожие на уже существующие, но все же неуловимо отличные от них. А я своего рода фотограф, я просто воспроизвожу, то, что вижу в данный момент перед собой.

Она тихонько вздыхает. Напряженность возникшая в ее позе пропадает, а на губах вновь начинает играть пока еще робкая улыбка. Все ясно, этот тип просто кокетничает, набивая себе цену. Так она сейчас думает. Ну что ж, это хорошо! Клинок ее шпаги решительно отводит мою в сторону, отбивая нацеленный в сердце укол. Она не замечает, что это инстинктивное движение раскрывает одну из уязвимейших для всех женщин сторон бытия. На это я и рассчитывал, моя рапира, ловко вывернувшись из соприкосновения изящных стальных жал устремляется напрямик туда.

– Однако иногда мне везет и тогда я встречаю особенных людей. Людей с лицами не похожими на другие, обычные, стандартные, резко отличающиеся от обычной серой массы. С лицами, одухотворенными, что ли, светящимися в толпе... Лицами за которыми стоит какая-то тайна. Таких людей всегда хочется рисовать, и в процессе работы, вдруг понимаешь, что рисуешь ты не просто сидящего перед тобой человека, а некую его внутреннюю суть. Что-то свойственное только ему одному. И тогда портрет оживает, он становится уже не просто отражением оригинала, а тем, что видит за оригиналом художник. Ведь мы очень наблюдательны,

гораздо наблюдательнее, чем обычные люди, мы видим истинную суть, за привычно носимой человеком маской.

Туше! Нет более сильной наживки для любой представительницы прекрасного пола чем публичное признание мужчиной ее исключительности, непохожести на остальных. Даже нет особой разницы с каким знаком подана эта исключительность, с плюсом, или минусом. Женщины охотно согласятся, как на роль ангела, так и на роль демона, лишь бы не оставаться в унылом стаде середнячков, приподнявшись над ним своей яркой индивидуальностью. На самом деле в той или иной мере это свойственно им всем, каждая в глубине души считает себя неповторимой и неотразимой, истинной королевой, просто подчас непонятой и нецененной грубым своим окружением. Иногда на этом не грех и сыграть, только играть нужно тонко и обязательно искренне, откровенная ни на чем не основанная лесть здесь будет принята за издевку и вызовет только негатив.

Надо сказать, что в данном случае даже играть особо не приходилось, настолько Луиза была хороша, действительно выделялась, нет не правильное слово, не отражающее всей глубины вкладываемого в него посыла. Нет, не выделялась, выламывалась с треском и грохотом из привычного стандарта обычной московской девушки.

– Вы оживили мой портрет?

Она говорит совершенно без улыбки, глаза широко открыты и абсолютно серьезные. Ей действительно необходимо это знать. Это пропущенный укол. Не ожидал, думал, она сейчас потребует рассказать, что же я нашел в ней такого особенного, уже приготовился красочно описать ее восхитительную внешность. Женщины так это любят. Любят слушать о себе самих. Но не в этот раз. Ее темная шпага скользнув в прореху моей защиты, по самую рукоять вонзается в грудь.

– Еще нет, но он постепенно оживает сам, – пальцы цепко сжимавшие эфес разжимаются один за другим и мое оружие с мелодичным звяком падает на арбатский асфальт. – Он не такой, как вы... Или, нет, вы похожи на него... Черт, запутался... В общем не получается рисовать вас такой, как сейчас... Вы неправильно выглядите... Все должно быть по-другому...

Три раза черт! Что за вздор я несу! Сейчас она чего доброго решит, что я критикую ее наряд и обидится! Как же сложно выражать словами такие четкие и ясные на уровне ощущений мысли. Ведь вовсе не одежду я имел в виду. Если честно, то ее я даже толком не разглядел, что-то современное в спортивном стиле, джинсово-кожаное, облегчающее ладную крепкую фигурку, словно хорошо пригнанная перчатка. Но не в этом же дело, хотя и в этом тоже. Ореховые глаза все так же внимательно смотрят на меня, ждут, требуют продолжения, а я как назло никак не могу собраться с мыслями, облечь в неуклюжую словесную форму то, что так явственно чувствую внутри.

– Понимаете, вы не должны быть здесь. В этом городе, на этой улице... Ваше место не здесь...

Господи, что за бред? Как она только до сих пор еще меня слушает. Я запинаясь и заикаясь на каждом слове начинаю рассказывать ей, что вижу ее совсем не такой как сейчас. Гордой наездницей на горячем вороном коне, несущемся сквозь абсолютно дикие, заросшие волнующимся под порывами ветра буйным разнотравьем степные просторы навстречу встающему из-за горизонта солнцу. Про лук и колчан за спиной, про громовой топот копыт бешеной скачки, про разметающую бурю черных волос и отражающий первый солнечный луч стальной шлем... Я сам понимаю насколько все это звучит глупо и жалко, но никак не могу остановиться, это какое-то внезапно накотившее изнутри сумасшествие. Слова вначале дававшиеся с трудом, теперь льются неостановимым потоком, бурной горной рекой. Они описывают ту картину, которую я хотел бы нарисовать сейчас вместо скучного, почти фотографического портрета. Наконец, внезапно забивший фонтан моего красноречья иссякает, и я замолкаю тупо глядя на растрескавшийся асфальт под ногами, не в силах поднять взгляд на лицо девушки,

страшась того, что я там неминуемо увижу. В лучшем случае это будет отстраненное недоумение, а может быть и чего похуже... я знаю это. Я уверен почти на сто процентов и жду только резких все расставляющих по местам слов.

Но она молчит, не произносит вообще ничего. Просто молчит. Я тоже молчу тяжело дыша, чувствуя себя уставшим и полностью опустошенным, и одновременно испытывая некое иррациональное облегчение, будто выплеснул изнутри то, что так долго давило и распирало мою грудь, пробивая себе дорогу. Молчание делается уже просто невыносимым, я согласен на все, пусть будет недоуменная отстраненность, холодное презрение или даже, тот невольный испуг, что мы испытываем встретившись вдруг лицом к лицу с сумасшедшим. Я согласен, лишь бы не длить дальше эту безмолвную пытку. Собранный с духом, как перед прыжком в холодную воду, я поднимаю склоненную на грудь голову, смотрю ей прямо в глаза. А она будто даже не замечает этого. Луиза мечтательно смотрит вдаль, куда-то вверх моей головы, вряд ли она видит сейчас запруженный туристами Арбат, сувенирные лавки и сидящего перед ней уличного художника. Она сейчас явно не здесь. Где же? Неужели в той самой, стонущей под ударами конских копыт степи, что привиделась мне при взгляде на ее лицо?

Мир вокруг внезапно перестает существовать. Остаемся только мы, я и она, вдвоем. Вязнут в плотном сером тумане людской гомон и немелодичные режущие слух аккорды бродячего музыканта, пропадают шум машин и порывы пахнущего угарным газом ветра. Нет вокруг ничего, ни людей, ни машин, ни шумной разноряженной улицы. Ничего не осталось во всей Вселенной. Только я и девушка с полузакрытыми глазами и покрасневшимся, обдуваемым вольным степным ветром лицом. Кажется я слышу как бьется ее сердце... Хочется дотронуться до нее, ощутить тепло ее сильного, напоенного энергией, молодого, зовущего тела. Грохочут, бьют железными подковами землю конские копыта! «Луиза... – шепчу я пересохшими губами ее имя, пробую его на вкус, сплетаю знакомые с детства звуки в чужое непривычное сочетание. – Луиза!» И серое марево отгородившее нас от мира рушится от звуков моего голоса. Проступают через редящий туман очертания домов, пробивается вечное монотонное гудение большого города сплетенное из сотен и тысяч с детства знакомых неизбежных звуков.

Она вздрагивает, будто внезапно проснувшись, и смотрит на меня широко распахнутыми глазами, зрачки – черные омуты, бездонные горные ущелья, в них можно нырнуть и падать, падать до скончания времен. Она еще вся там, грудь тяжело вздымается под распахнутой легкой курткой, точеные пальчики рук крепко сжаты в кулачки, губы плывут в недоуменной стеснительной улыбке. Губы первыми отреагировали на ненормальность происшедшего, они уже спешат смущенно улыбнуться, показывая, что на только что случившееся не стоит больше обращать внимания. Они первыми пытаются вернуться обратно в надоевшую скучную, но такую уютную и безопасную обыденность. За улыбкой последуют слова, ироничные и чуть насмешливые и тогда, все что сейчас было с нами уже не воскресить, оно умрет, не успев даже толком родиться. Поэтому я спешу спросить, пока еще не перейдена обратно грань разумного и рационального, пока она еще не забыла того, что только что испытала:

– Вы увидели это? Правда, ведь? Увидели то, о чем я рассказывал?

И ползущая по губам улыбка замирает, исчезает, отбрасывая желание снова закрыться, спрятаться под привычно натянутый панцирь, который лишь на миг приоткрылся, выпуская на поверхность то, что принято называть душой.

– Да... – легко и еле слышно, словно дуновение прохладного вечернего ветра.

– Правда, увидели? И как это было? – не отстаю я, не даю вынырнуть обратно на уровень обычного повседневного общения, не отпускаю зажегшийся вдруг внутри свет.

– Это было чудесно, – шепчет девушка едва приоткрывая губы. – Это было как в детстве, когда еще веришь в сказки... Это было, как в сказаниях о нартах...

– Вы знаете о нартах?

Меня вновь пробивает электрическим разрядом. Да! Вот оно! Я все не мог понять, кем же я вижу ее, что за доспехи надеты на манящее девичье тело, что за вооружение. Откуда этот образ. Да, теперь все встало на свои места. Конечно же, нарты! Сказочный народ героев и воинов. Дети солнца, хозяева срединного мира. Легендарные предки скифов и сарматов, никогда не существовавшие в реальности, но до сих пор будоражащие своими подвигами распаленное воображение всех детишек Кавказа.

– Да, конечно, мне с детства рассказывала сказки о них мама. А иногда и отец...

Она что-то еще говорит, но смысл ее слов плохо доходит сейчас до меня. Я весь захвачен открывшейся идеей. Да! Именно такой должна быть задуманная картина. К черту скучный портрет. На нем вовсе не она. Я даже не возьму денег за этот бездарный фотографический рисунок. С таким же успехом она могла бы купить зеркало и смотреться в него. Возможно зеркало отразило бы даже больше, чем бездушная бумага. Как я мог не увидеть сразу, это же явно читалось в лице. Никакая она не Луиза, она... Она...

– Шатана, – произношу я тихо, во все глаза разглядывая девушку.

– Что?

В вопросе звучит изумление, кажется я прервал ее на полуслове.

– Шатана, – уже громче и увереннее повторяю я. – Вот кто вы на самом деле. Поверьте, я художник, я могу видеть сквозь маски...

Она улыбается, опуская голову, в замешательстве теребя застежки своей сумочки.

– Но ведь Шатана старая женщина, хозяйка большого дома...

– Нет, – не даю я сбить себя с толку. – Такой вы возможно когда-нибудь станете. А сейчас вы молодая Шатана, та, перед красотой которой не смог устоять богатырь Урызмаг.

Она прикрывает глаза и тихо нараспев декламирует, явно подражая слышанному в детстве:

– Стройная, искроглазая, как ангел, повернется – словно стрела пролетит, голос – как соловьиная песня, слово скажет в ответ – будто мать тебя обласкала, рука ее щедра и хлебо-сольна.

– Да, да! – горячо подтверждаю я. – Это именно вы. Я узнал вас.

Она вновь улыбается, на этот раз тихо и удовлетворенно, ей приятна моя искренняя горячность. Поддавшись мимолетному порыву я беру ее за руку и, о чудо, она не отнимает своей ладони из моих пальцев. Кожа ее на ощупь бархатиста и прохладна. Моя бедная голова пылает, перед глазами все идет кругом. Так продолжается, кажется целую вечность и я искренне счастлив в тот момент от одной только возможности находиться с ней рядом, прикасаться к ней. Но вот она неуловимо легким грациозным движением освобождается и чуть отстранившись говорит, лукаво улыбаясь:

– Шатана не только красивая, но еще и очень мудрая женщина. А я вот сижу тут как последняя дура, развесив уши, и слушаю комплименты от уличного художника, который наверняка говорит их каждой девушке, которую беретса рисовать. Права, видно Наташка, нельзя меня оставлять в Москве без присмотра.

От незаслуженной обиды меня буквально разрывает на части, поднявшаяся из глубины души волна возмущения клокочет у самого горла. Как она может так?! Ведь это совсем не то, что обычно! Я же действительно видел несколько минут назад несущуюся под тяжелые копыта дикую степь. Мы вместе с ней это видели. Как же можно после такого вот так! Взбурлившая внутри гневная пена уже готова выплеснуться у меня изо рта словесным потоком, вылить на ее голову все владеющие мною эмоции, заставить почувствовать искренность моей боли от этого недоверия. Но тут холодным остужающим душем, проливается на этот бушующий внутри жар, пробудившаяся рациональность. В самом деле, кто я ей такой, почему она должна доверять моим порывам неясным пока даже для меня самого. Подумаешь, нашелся великий мастер, в поисках натурщицы. Ишь, захотелось ему изобразить летящую на коне Шатану! Остынь

неудавшийся Казанова, вернись на землю. Право, ты смешон во всех движениях своей мелкой душонки безосновательно претендующей на величие.

Все эти мысли видимо отражались на моем лице, словно в зеркале. Уязвленный в лучших своих чувствах, разобитый до самой глубины души, я даже не думал их скрывать. Просто начисто забыл об этой выработанной годами необходимости. Нет сомнений в том, что Луиза легко читала меня в тот момент, будто раскрытую книгу.

– Ну не расстраивайтесь, я вовсе не хотела Вас обидеть, – музыкой прозвучал ее тихий голос.

И дрогнула, дрогнула-таки в нем предательская жалостливая нотка. Нет, она вовсе не бесчувственная гордыня, как я уже себе вообразил. Ей действительно жаль хлестких не ко времени произнесенных слов. Радость, такая же сумасшедшая и бурная, как секунду назад обида, вспыхнула во мне. Да что же это? Что со мной делает эта девчонка? Что за странная власть ей дана над моими чувствами, что одним единственным словом она может обрушить меня в пучину горя и печали, или наоборот вознести на самый пик неземного счастья. Я ведь даже не знаю ее толком. А вдруг она груба, лжива, порочна? Да, что там далеко ходить, вдруг она просто дура? Тупая меркантильная тварь, как большинство моих знакомых москвичек... Я продолжал уговаривать себя одуматься, взять себя в руки, а в глубине души уже знал, что это невозможно. Нет, конечно же, нет! То что я не мог увидеть умом, я давно с успехом разглядел сердцем. Она была просто прекрасна, как лицом и телом, так и всей своей душой. Прекрасна и желанна...

– Не обижайтесь на меня, пожалуйста, – робко попросила она. – А то у Вас такое лицо стало, что я... ну не знаю, как сказать... Словно конфету у ребенка отняла, или щенка пнула... Вы не обижайтесь только, хорошо?

Конечно, как я мог обижаться на нее? Я готов был на все, лишь бы она оставалась рядом, пусть высмеивает меня, ругает, дразнит... Все что угодно, лишь бы не уходила, оставалась здесь, со мной...

– Я не хочу заканчивать Ваш портрет, – хрипло выдавил я.

– Не хотите и не надо. Ничего страшного, – мягким участливым голосом, каким говорят с тяжелобольными поспешила согласиться она. – Мне он не очень-то и нужен был, это все Наташка...

– Нет, вы не поняли, – заторопился я, понимая, что обязательно должен ей все объяснить, что это вопрос жизни и смерти.

– Вы не поняли. Просто это неправильный портрет. Вот он, почти готов, можете его взять, если хотите. Но лучше его порвать, иначе он может все испортить...

Я спешил, захлебываясь и заикаясь, путая фразы и сам себя не слыша, в отчаянии понимая, что никак не могу подобрать нужных слов, что кажусь ей сейчас полным идиотом. И от этого сбивался еще больше, удивляясь, как она вообще до сих пор еще меня слушает, вместо того, чтобы просто встать и уйти. Но она слушала, внимательно глядя мне в лицо, сосредоточенно хмурия брови. Слушала, и я продолжал:

– Вы только не отказывайтесь сразу, обещаете? Можете не соглашаться, но и не отказывайтесь, пожалуйста. Просто выслушайте меня и подумайте... Обещаете? Вот. Я хочу нарисовать другой Ваш портрет, настоящий. Тот, на котором вы действительно будете выглядеть такой, как вы есть. Будете молодой Шатаной. На фоне гор, рядом с боевым конем, в старинных доспехах...

– У Шатаны не было боевого коня и доспехов. Вы что-то путаете, художник, – рассмеялась она. – Но сама идея мне нравится. Считайте, что я согласна.

– Правда?! Вы на самом деле согласны мне помочь?!

Радость моя была так безмерна, что я чуть не пустился в пляс прямо посреди запруженного туристами Арбата.

– Правда, правда, что Вас так удивило? – улыбалась Луиза, глядя на мое горящее искренней радостью лицо.

– Тогда оставьте мне номер своего телефона. Я Вам обязательно позвоню. Когда Вам будет удобнее?

– Даже не знаю, – по ее лицу пробежало едва заметное облачко. – Когда вы хотите начать рисовать?

«Не рисовать, писать! Картины пишут, а рисуют на заборах!» – язвительно произнес у меня в мозгу кто-то неизвестный дежурную фразу любого художника. Но я вовремя взял это свое противно-ехидное «я» под плотный контроль и удержал обидную реплику внутри, не дав ей вырваться наружу. Шатане, то есть, тьфу, Луизе однозначно была простительна столь пространственная оговорка, в ее прекрасных устах она звучала даже мило. Нет, положительно, в этой девушке меня восхищало все, включая и то, что обычно вызывало приступы глухого раздражения. Это было настолько новое и приятное чувство, что я даже немного его побаивался, старался не давать ему захлестнуть меня целиком, чтобы не потерять над собой контроль. Уж не влюбились ли вы с первого взгляда, батенька?

– Так когда же?

Ах да, она же спросила у меня о сроках. Какие к дьяволу сроки! Я желал приступить к работе немедленно, сию же секунду, не сходя с места, каждый миг промедления был для меня невыразимой пыткой. Но нет, так нельзя, надо взять себя в руки. Таким энтузиазмом ты еще чего доброго напугаешь девушку.

– Может быть вечером, – робко предложил я.

И по тому, как сурово сдвинулись ее брови, а с губ слетела улыбка, понял, что сморозил что-то не то.

– И работать Вы хотите начать в каком-нибудь модном ресторане, или ночном клубе, – едко продолжила она мое предложение.

– Вы не так меня поняли! – отчаянно выкрикнул я, пытаюсь спасти положение.

Двое или трое случайных прохожих испуганно шарахнулись в сторону и долго еще обочивались на ходу, окидывая нас удивленными взглядами. Но мне было в тот момент на них наплевать, пусть смотрят, не жалко.

– Вы не так меня поняли, Луиза, – уже мягче и спокойнее продолжил я. – Просто Вы разбудили во мне вдохновение. Знаете, как муза! Вы вдохнули в меня новую жизнь. А в этом состоянии, любое промедление нестерпимо. В руках просто невыносимый зуд, они хотят творить, они не могут терпеть безделья. Понимаете, все мысли, все чувства, все подчинено одной только идее, выплеснуть на холст то, что скопилось внутри, выплеснуть раньше чем оно уйдет, сотрется под грузом обычных бытовых наслоений, умрет под валом повседневных забот. Потому я назвал Вам самый короткий возможный срок. Даже до вечера дожить не начав работать будет для меня пыткой.

Горячность моего порыва все же растопила возникший было между нами тонкий лед недоверия, настороженность ушла из ее глаз.

– Я верю Вам, но все же, давайте отложим все как минимум до завтра. Все-таки и у меня есть свои дела, да и не слишком-то прилично, молодой девушке появляться вечером в гостях у мужчины. Что скажет на это к примеру ваша жена?

– Кто? Жена?

Я даже сразу не понял о чем это она. Ах да, у нормальных людей моего возраста обычно бывают в наличии жены и несколько сопливых детишек. Но так то ж у нормальных! Себя я к нормальным людям отнести не мог даже с изрядной натяжкой. Да и какая москвичка пойдет замуж за уличного художника? Нет, брат, шалишь! С тобой конечно можно иногда весело потусить на богемных пирушках, можно вдосталь пофлиртовать и даже разжиться бесплатным портретом в стиле ню, но вот замуж за тебя вряд ли кто пойдет. Национальные приоритеты у

москвичек очень жесткие и ты под их стандарты совсем не подходишь. Даже наличие собственной, превращенной в студию квартиры в достаточно престижном районе, ничего тут не меняет. Квартира это хорошо, но к ней в обязательном порядке должны прилагаться высокий общественный статус, солидный счет в банке, престижная высокооплачиваемая работа и конечно же автомобиль представительского класса, не говоря уж о банальном и немисливо дорогом для тебя евроремонте на занимаемой жилплощади. Вот так-то! А ты как думал?

С лицами немосковской национальности на поприще возможного сочетания браком вопрос стоял еще хуже. Тут уже я сам постоянно не мог отделаться от ощущений которые наверное присущи преследуемому стаей гончих зайцу. И причина была опять же в той самой превращенной в студию квартире. Огромное количество пытающихся эмигрировать в Москву из ЗаМКАДии представительниц прекрасного пола, только и ждало случая заарканить доверчивого москвича у которого можно потом внаглую отхапать вожаделенную жилплощадь. Примерам, как говорится, несть числа. И тут я рисковать решительно не хотел. Можно так нарваться, что потом за милую душу окажешься где-нибудь в канализационном коллекторе или на мусорке, и кого прикажете там рисовать? Таких же как сам бомжей? А оплату брать пустыми бутылками? Нет уж, увольте... Одним словом, не сложилось у меня ни с тихой гаванью, ни с семейной жизнью, ни с детишками, которым я мог бы оставить в наследство коллекцию испачканных холстов и полужасохшие краски. Возможно оно и к лучшему...

– Знаете, Луиза, так получилось, что я не женат, – виновато разводя руками ответил я девушке.

Честно сказать, ожидал, что после этих слов наш разговор свернет в более доверительную плоскость. Как-то привык за последние годы все время общаться с тем сортом женщин, что патологически хотят выйти замуж, подчиняя этой сияющей впереди благородной цели все свои повседневные мысли и желания. Такие услышав о моем неполном семейном статусе, тут же делали стойку, как хорошо выдрессированные легавые. Ну или борзые, я не очень-то в этом разбираюсь... Однако на этот раз я ошибся, причем практически на сто процентов. После моего признания, Луиза явно насторожилась, глядела на меня теперь с некоторой опаской и похоже уже жалела о том, что вообще позволила себе согласиться на общение со мной. Сексуальным маньяком меня посчитала, что ли? Милая, так все известные маньяки как раз и были примерными семьянинами. Так что делай выводы...

– Вы не пугайтесь, Луиза. Я не женат не потому, что со мной что-то там не в порядке. Просто не встретил еще ту, единственную, которую ищу, а размениваться по мелочам не хочется. Это ведь и себе потом горе и девушке не в радость будет жить с человеком который ее не любит вовсе.

Я старался говорить как можно проникновеннее, как можно доверительнее, полностью раскрываясь ей навстречу, показывая, что нет у меня за пазухой камня, никаких дурных намерений нет. Кажется она поверила, взгляд слегка потеплел. Надо было срочно продолжать ковать железо пока горячо.

– Я совсем один живу, в квартире, которую превратил в студию. Так что нам никто мешать не будет. Только Вы, я, краски и холст... Больше никого и ничего...

Черт! Вот это я зря сказал. Опять напугал. Ишь нашел, чем успокоить, мол будешь со мной одна в квартире, полностью в моей власти. Идиот клинический, надо же было такое выдать! Эх, и почему только я всегда сначала ляпну, а лишь потом понимаю, чего собственно ляпнул! Предупреждая ее возможную реакцию, вновь заторопился:

– Вы не подумайте чего плохого! Если хотите, можете с собой кого-нибудь взять. Ну хоть эту Вашу подругу!

– Я кузнеца с собой возьму, – пряча в углах губ веселую усмешку, решительно заявила Луиза.

– Кузнеца? Какого кузнеца? Почему кузнеца? – опешил я.

– Ну вы что? – теперь она уже смеялась открыто, не скрываясь. – «Формулу любви» не смотрели? Старое такое кино...

Ах, вот оно что, как же я сразу не сообразил. А молодец девчонка, ловко меня поддела, точно, наш человек!

– Кузнец? Нет, кузнец нам не нужен. Зачем нам кузнец, что я лошадь что ли? – процитировал я подражая голосу Фарады и был тут же вознагражден заливистым девичьим смехом.

– Ладно, коварный соблазнитель, куда Вам телефон записать?

– Телефон? Телефон... – я бестолково зашарил заплетающимися пальцами по карманам, уже вспомнив, что свой мобильник сегодня из мести оставил дома.

Эта сволочь меня сегодня не разбудила, представляете себе такой оборот? Из-за него я провалялся в постели чуть ли не до десяти часов, проспав все на свете, включая самое рыбное туристическое время. Подобное поведение требовало немедленного справедливого воздаяния. И даже не взирая на то, что мобильник не звонил по той прозаической причине, что я сам когда-то отрубил в будильнике оба выходных дня, а сегодня было как раз воскресенье, я все же решил его наказать, лишив ежедневной прогулки не Арбат. Так сказать превентивно и чтобы окончательно снять вину за испорченное утро с себя любимого. А теперь мой верный электронный секретарь, наверняка смеялся над моими никчемными усилиями, спокойно лежа на прикроватной тумбочке.

– Ладно, – смилостивилась наконец наблюдавшая за моими бесплодными потугами Луиза. – Давайте карандаш и бумагу, я Вам сама запишу.

Карандаш нашелся сразу так как был, оказывается, до сих пор зажат у меня в руке, а вот в поисках подходящего листочка я вновь заметался выворачивая карманы. С укоризненным вздохом Луиза перегнулась через мой мольберт и быстрым летящим почерком нацарапала десяток цифр телефонного номера прямо в углу незаконченного портрета. Я заморожено наблюдал за изящным изгибом ее стройного тела, за порхающим по бумаге карандашом и задумчиво сжатыми губами. Сам я на такой фокус совершенно не способен. Просто не помню номер своего мобильного и все, не запоминается, хоть ты тресни. Оправдывает меня лишь одно соображение – сам себе я никогда не звоню. Откуда же в таком случае помнить номер? А вот она помнит. Черт, я готов умиляться и восхищаться даже самым тривиальным и элементарным вещам, если они связаны с этой девушкой. Да что это за головокружение меня охватило? Может, съел чего ни то сегодня за завтраком?

– Вообще картины обычно подписывает художник, а у вас я вижу все наоборот, – ядовито произнес кто-то за спиной.

Я аж подпрыгнул от неожиданности, хотя ничего неожиданного в принципе не произошло. Просто вернулась, не к ночи будь помянута, бело-розовая моржиха, о существовании которой на этом свете я было совсем позабыл. Пока я на этом основании тормозил, не в силах придумать достойного ответа, вместо меня отозвалась сама Луиза:

– Это не подпись, это мой автограф, – с милой улыбкой сообщила она скептически поджавшей губы подруге. – Я еще не стала знаменитой журналисткой, но когда-нибудь ведь непременно стану. Вот мастер и попросил у меня автограф с дальним, так сказать, прицелом.

Бело-розовая лишь неопределенно хмыкнула, не удостоив нас ответом, но всем своим видом продемонстрировав предельное неодобрение. А я отложил для себя в памяти профессию моей новой знакомой. Надо же, с настоящими живыми журналистами мне общаться еще не приходилось. Исключая Фиму Федорцова, подпольная кличка Фу-Фу, но тот во-первых мужского пола, а во-вторых не журналист, а фотограф, а это наверняка две большие разницы.

– Так не забудьте же, не раньше завтрашнего дня, – с нажимом произнесла Луиза, значительно глянув мне в глаза.

– Что не раньше завтрашнего дня? – тут же вскинулась принимая охотничью стойку бело-розовая. – О чем это вы уже тут без меня договорились?

– Мастер не успевает закончить портрет, – с невинной улыбкой сообщила Луиза, заговорщицки мне подмигнув. – Там оказалось слишком много сложных мелких деталей. Но он поработает над ним сегодня дома, и завтра я смогу его забрать.

– Кого его? Мастера, или портрет? – неуклюже съязвила бело-розовая, меряя меня уничтожающим взглядом.

– Портрет, конечно, – делая вид, что не заметил насмешки, поспешил пояснить я. – Действительно, так будет лучше, дальше я смогу работать без натуры. Так зачем занимать ваше драгоценное время?

– Вы и так отняли его больше, чем достаточно, – отрезала бело-розовая, подхватывая Луизу под руку и разворачиваясь чтобы уйти.

– До свидания, мастер, – улыбнулась на прощание моя очаровательная натурщица.

– До свидания, Шатана, – махнул я рукой в ответ.

– Ну это уже вообще возмутительно! – взвизгнула вдруг разворачиваясь моржиха Наташа. – Кого это вы тут обзываете сатаной?! Что совсем уже крыша поехала?!

– Успокойся! – дернула ее за рукав явно смущенная этой вспышкой Луиза. – Он сказал не сатана, а Шатана. Это такой персонаж из наших народных легенд. Мастер, оказывается, знает осетинские сказки...

– Осетинские? – я почувствовал, как в горле у меня пересохло. – Так ты... То есть Вы, из Осетии?

– Ну да... – она непонимающе глянула в мою сторону, пытаясь сообразить, чем вызвано прозвучавшее в вопросе волнение.

– Из северной, или южной? – я попытался справиться с собой, но непослушные руки уже начали предательски дрожать, а внутренности в низу живота скрутило холодными жесткими пальцами.

Я говорил сейчас в ее удаляющуюся спину. Луиза уходила, растворялась в толпе увлекаемая подругой. Но я должен был получить ответ. Казалось, сейчас нет ничего важнее, только знать откуда: из северной, или южной. И откуда-то из людской толчеи долетел все же ее голос:

– Из южной... Хуссар Ирыстон... Цхинвал...

«Хуссар Ирыстон», «Цхинвал», – громом отдалось в голове, раз за разом повторяясь на все лады, отражаясь от стенок черепа и бешено колотясь в сделавшейся вдруг пустой и гулкой черепной коробке. Те слова, которые я столько лет стремился забыть, выкинуть из памяти. «Хуссар Ирыстон».

Дорога ползет вверх в сторону перевала. Движок ревет, натужно жалуясь на горькую судьбу любой военной техники. «Урал» тяжело переваливаясь с боку на бок упорно карабкается вверх, цепляясь изрядно полысевшими уже протекторами за неровности разбитой, давно не чиненой дороги. Солнце нещадно режет глаза. Конец марта, но здесь уже примерно такая же температура, как в родной Москве летом. Снега давно нет и в помине, разве что высоко в горах, на высящихся вокруг пиках он по-прежнему сверкает нетронутой первозданной белизной. «Как вечным огнем, сверкает днем, вершина изумрудным льдом...», это песня про горы. Быть может не про эти, даже скорее всего не про них, но все равно очень похоже.

Следом за нашей машиной деловито сопит еще один «Урал». В кабине рядом с водителем хорошо видно напряженное лицо Пепса, Витьки Соловьева, нашего замковзвода. Он едет старшим второй машины и на этом основании просто раздувается от осознания собственной важности и значительности. Как же, не вместе со всеми в дребезжащем неудобном кузове посадили, а как белого человека в кабину определили, чем не повод для гордости? Каску он в нарушение всех инструкций конечно снял и огненно-рыжие вихры дембельской шевелюры свободно развеваются под залетающим в открытое боковое окно ветром. Пепс старше меня на один призыв, со дня на день ему отправляться домой, все, отслужил. Мне еще корячиться полгода, но само понятие времени здесь весьма относительно. Никогда нельзя заранее загадывать, что случится

раньше, или позже. Вот, например, Чиж, молодой парнишка из нового пополнения. Ему до дома было еще как до Китая раком. Служить и служить, как медному котелку. Но прилетевшая откуда-то с окрестных гор пуля решила совсем иначе, и Чиж уже давно дома, только запаянный в цинке. В точно таком же, как те, что приходили в свое время из далекого и загадочного Афгана. Я знаю, их в последнее время очень часто показывали по телевизору. Словно спохватились и вдруг кинулись добирать всю запретную ранее чернуху об этой войне. Помню как расстроился в день вывода оттуда наших войск. Насмотревшись ставших модными фильмов и передач о лихих десантниках сам втихую мечтал о славе, о подвигах, представлял себе, как напишу в военкомате рапорт с просьбой направить меня служить обязательно в Афганистан, и обязательно в десантные войска. Случившийся в восемьдесят девятом вывод, перечеркнул разом все наивные мальчишеские мечты. Эх! Всего каких-то двух лет не дотянул! Сорвалась медаль, а может даже и орден!

Пепс гримасничает за лобовым стеклом, показывая мне поросший жестким волосом крепкий кулак в пятнах веснушек. Тычет пальцем по сторонам. Правильное в общем-то предупреждение. Раз уж сам уселся старшим борта, то нечего ворон ловить, секи по сторонам, мало ли что. Собственно у задних бортов сажают обычно кого помоложе. Неписанные законы солдатского старшинства обязывают представителей более позднего призыва ездить в передней части кузова. Там вроде как комфортнее, меньше трясет и практически не долетает вездесущая дорожная пыль. Но мне почему-то больше нравится сидеть именно здесь. Отсюда лучше обзор. Видны далекие горы со сверкающими шапками льда, поросшие кривым сосняком крутые склоны, иногда переходящие в ободранные отвесные скалы. Опять же, когда пролетаем насквозь какое-нибудь из местных сел можно подсмотреть украдкой подробности быта местных горбоносых аборигенов, так не похожих на привычные славянские типажи, а то и помахать рукой какой-нибудь любопытной девчужке исподтишка рассматривающей проезжающих мимо солдат. Ну а пыль, что же, черт с ней с пылью, все равно она везде, меньше, или больше понятие весьма условное. После любого выезда форму можно с успехом выбивать палкой что старый ковер, а сам еще долго отхаркиваешься комками серой слизи набившейся за время дороги и в рот, и в нос.

Демонстративно перекладываю автомат с руки на руку и зорко оглядываюсь по сторонам, изображаю для Пепса повышенную бдительность. Хотя особого смысла в этом нет. Даже если я сейчас засеку где-нибудь на склоне изготовившихся к бою вооруженных людей, стрелять по ним все равно будет нельзя. Есть четкий приказ, огонь открывать только в случае крайней необходимости, для защиты личного состава и гражданских лиц от нападения угрожающего их жизни и здоровью. Во как завернуто! То есть не просто когда по нам палить начнут, а если при этом еще возникнет крайняя необходимость ответить, для того чтобы спасти наши задницы. Интересно, кто это потом будет определять, настала в тот момент крайняя необходимость, или еще нет? Стрелять нам здесь уже приходилось не раз. В караулах, на блок-постах, отгоняя слишком уж наглых местных от складов с оружием и имуществом. Обычно обходилось стрельбой в воздух. Один только раз отмороженный на всю голову командир нашего третьего взвода, прозванный за хамские манеры и вечно лоснящуюся жиром рожу Свином, приказал лупануть по одному магазину в сторону холма с которого по нам кто-то пальнул. Мы с несказанным удовольствием исполнили приказ, и те на холме тут же заткнулись. Не знаю, попали мы в кого, нет ли, желающих сходить посмотреть как-то не нашлось. Но факт остается фактом, стоило нам огрызнуться со всех стволов, и стрельба в нашу сторону тут же закончилась. Обосрались горные орлы моментально.

Потом комполка брызгал слюной и крыл Свина матом, не стесняясь солдат, прямо перед строем, пугал военной прокуратурой, грозил сорвать погоны и обещал насрать на него все кары небесные. На что тяжело глядевший все время разноса на него исподлобья пьяными, он

частенько прикладывался к бутылке, налитыми дурной кровью глазами старлей там же перед строем рубанул командиру прямо в лоб:

– Да я лучше на весь остаток жизни в тюрьму сяду, чем позволю этим черножопым по моим пацанам стрелять!

В тот момент мы простили ему все: и хамские шутки, и глупые придирки, и издевательские наряды на работы, которыми он сыпал направо и налево. Мы почти что любили его тогда, замерев за его спиной в затаившем дыхании строю.

– Вы пьяны, товарищ старший лейтенант, уйдите с глаз моих! – истерично завизжал в ответ командир.

Что ему еще оставалось делать? Не мог же он признать, что Свин полностью прав, и если уж ты пришел наводить порядок в этих диких горах, добейся для начала хотя бы того, чтобы по тебе самому перестали стрелять местные абреки. Такая постановка вопроса сильно расходилась с полученными из Москвы приказами. Там, в министерстве, почему-то считали, что главное не поддаваться на провокации и тогда все как-нибудь само образуется.

Я внимательно обшарил взглядом сжавшие с двух сторон дорогу горные склоны. Да, хреновая диспозиция. Если захотят расстрелять из засады нашу маленькую колонну, то сделают это без труда, смотри, не смотри. Такая уж вокруг местность, любо дорого, словно специально созданная для партизанской войны. Вот они и воюют. Грузины мелкими группами, человек по десять-пятнадцать просачиваются на территорию осетинской автономии и нападают на тех, кто появляется на дорогах. Иногда могут устроить даже налет на небольшое село. Жгут дома, грабят жителей, женщин насилуют. Поговаривают, что по всей Грузии специально выпустили из тюрем уголовников и раздали им оружие с условием, что они поедут в Южную Осетию и будут убивать осетин. Мне не слишком в это верится, все-таки я в отличие от большинства моих сослуживцев юноша из интеллигентной семьи беспрекословно чтящий существующие законы и верящий в их справедливость. Ну сами подумайте, как можно взять вдруг и освободить из тюрьмы, к примеру, осужденного по приговору суда убийцу? Мало того, что освободить, так еще дать ему в руки оружие и отправить убивать людей? Как это вообще возможно? Куда при этом смотрели судьи, прокуроры, просто менты, наконец? Нет, конечно, скорее всего это лишь слухи... Очередные, специально выдуманные кем-то страшилки. Однако, пацаны верят, у них свой собственный, отличный от моего жизненный опыт и в него подобное очень даже укладывается. Они относятся к любой власти с искренним недоверием, откровенно ее побаиваются и не ждут от нее для себя ничего хорошего, только очередных пакостей. Честно говоря, побывав пару раз на местах нападений грузинских налетчиков я и сам уже начинаю сомневаться. Действуют они с леденящей душу просто фашистской жестокостью, не щадя никого. Осетины накалены до крайности, в селах начинают возникать сами собой отряды самообороны, разномастно вооруженные, бестолковые в военном отношении, но при этом настроенные весьма решительно.

По идее нам положено такие формирования разоружать и пресекать на корню их деятельность. Но офицеры обычно стараются смотреть на их существование сквозь пальцы. Оно и понятно, иди, попробуй, разоружи их! Конечно, формально мы находимся здесь для того, чтобы обеспечить безопасность мирных граждан. Но нас слишком мало, чтобы стать гарнизонами в каждом селе, а связь, как всегда, не работает, и даже когда местная милиция вызывает помощь, мы зачастую добираемся до места происшествия слишком поздно. Грузины успевают сжечь несколько домов, расстрелять их жителей и скрыться. Идти за ними мы не решаемся, они в лесу и горах чувствуют себя как дома, мы – нет. Так что очень велика вероятность нарваться где-нибудь на засаду, а тогда будет много трупов. Ни нам, ни офицерам этого, понятно, не надо. Так что мы никогда никого не преследуем. Вообще в сложившейся ситуации мы можем сделать до обидного мало. Как максимум вывезти беженцев и погорельцев в относительно спокойный и безопасный Цхинвал. Потому мешать созданию отрядов сельской обороны у нас нет

никакого морального права, и хотя мы вроде бы обязаны это делать, но ведь можем мы чего-то просто не заметить? Ну подумаешь, не доглядели малость... Правда в последнее время все чаще и чаще в ответном огне начинают полыхать уже грузинские села. В них мы тоже ездим. Черт бы побрал эту дурацкую республику где все так перемешалось!

Вот и сейчас, мы возвращаемся из подвергнувшегося очередному нападению осетинского села. Как всегда появились мы слишком поздно, нападавшие ушли часа за два до нашего приезда. Когда хрипло завывающие «Уралы» влетели на единственную улочку, вдоль которой лепились дома, там уже собрались толпой местные жители. Все от вездесущих мальчишек, до седобородых стариков. Надрывая сердце протяжно голосили женщины. Пожар в селе беда общая, того и гляди огонь перекинется на соседние здания, а там и до лично твоего двора доберется. Потому тушат всегда всем миром, каждый вносит посильную лепту. К нашему приезду крайние дома селения уже лишь чуть-чуть дымились серыми выгоревшими скелетами балок и опорных столбов. Оплывали мутными потеками расплавившегося кирпича остовы печей. Все как на фотографиях времен Великой Отечественной. Деревня после прихода карателей. Горячий, пропитанный угарным смрадом ветер, нес вдоль по улице серый пепел. Лишь один, весьма приличного вида двухэтажный особнячок, расположенный ближе к центру, еще жарко полыхал, несмотря на все усилия суесящихся вокруг огнеборцев, и на выстроившихся цепочкой людей передававших из рук в руки наполненные водой ведра.

На центральной площади, перед одноэтажным зданием сельсовета лежали накрытые простынями трупы. Четыре штуки. Кое-где сквозь белую ткань простыней проступали темные пятна крови. Из-под крайней выглядывала посиневшая голая ступня с обломанным ногтем на большом пальце. Почему-то этот крепкий, похожий на панцирь древнего латника, пожелтевший ноготь просто приковал мое внимание. Мне, конечно, и раньше приходилось видеть на подобных выездах трупы. Убивали здесь много и часто, с какой-то удивительной для меня легкостью лишая жизни себе подобных, впрочем так же легко, не задумываясь, умирали потом и сами. Будто все не по-настоящему, будто понарошку играя в какой-то взрослый вариант казачков-разбойников, или «Зарницы». Вот и на этот раз население республики уменьшилось еще на четырех человек, это если никто не остался в сгоревших домах, не сумев из них выбраться, такое тоже бывало. И еще неизвестно, как прошло все для самих нападавших. В последнее время, чем дальше, тем чаще подобные налеты сельчане встречали ружейным огнем. Так что минус четыре жизни это лишь самый первый, приблизительный итог. Еще сюда можно прибавить сгоревшие дома. С того места, где стоит наша машина видно семь штук, да все еще объятый пламенем восьмой... Это сколько же людского труда, соленого пота и вложенных денег враз полетели вместе с черным жирным пеплом к бездонно-синему небу с которого смотрит равнодушно солнце?

Когда-то давно, люди считали солнце живым существом, поклонялись ему, надеялись, что его всевидящий глаз спасет их от бед и несчастий. Потом появились другие боги, другие религии, и астрономы ясно как дважды два доказали, что солнце это просто скопление пылающих газов, облако водорода в котором идет неуправляемая термоядерная реакция. Всего лишь звезда, такая же, как мириады других. Желтый карлик. Все скучно и приземлено. Никакой мистики. Никаких следящих за нами недремлющим оком высших существ. С тех пор желтый карлик лишь равнодушно смотрит на то, что творится под его ярким светом, даже не жмурясь, когда к нему поднимается копоть сожженных домов, не слыша горестных воплей матерей, потерявших своих сыновей, и вдов, оплакивающих мужей. Что ж, каждому да воздастся по вере его...

Из сожженного села мы забираем беженцев. Человек двадцать. Это те из погорельцев у которых есть родственники в Цхинвале, готовые их приютить. Куда денутся семьи, у которых таких родственников нет, даже не представляю. Конечно, тут присутствует элемент традиционного кавказского гостеприимства и бескорыстной взаимовыручки. Приютят на какой-то

разумный срок непострадавшие сегодня соседи. Но такая благотворительность тоже не может длиться вечно. Что они будут делать дальше? Через месяц? Через год? Трясу головой, выгоняя из нее непрошенные мысли. Это все не мои проблемы. Моя проблема сейчас то, что мне еще целых полгода до вождя джунглей дембеля, а тут творится такое, что становится реально страшно при мысли о том, какой это долгий срок. Хотя пуля дура, она не выбирает, кто дембель, а кто зеленый душара. Вон хоть Чижа вспомнить...

Вид у беженцев жалкий, нелепо одетые, грязные, с ворохом узлов, котомок, они забиваются в наши машины. Рассаживаются прямо на полу, на досках. Как они умудряются там сидеть для меня загадка. Даже на гораздо более удобной боковой лавке отбиваешь себе за время дороги всю задницу. Но они сидят, им деваться некуда. Все вперемешку: угрюмые мужчины, причитающие молодухи, сурово молчащие старые матроны с пробивающимися над верхней губой усами, почти такими же густыми, как у мужчин, настороженно будто пойманные зверьки зыркающие во все стороны быстрыми перепуганными глазенками дети. Мне уже даже не жалко их, как-то притупилась первоначальная острота чувств. Теперь постигшие их несчастья, их страдания для меня просто работа, нудная, скучная, та, которую хочется сделать как можно быстрее. Мы научились отгораживаться от них, смотреть, как на неодушевленные предметы, не впускать в свое сердце их горе, иначе не хватит никаких душевных сил. Всех все равно не пожалеешь! Еще когда мы только грузились в машины, собираясь на выезд, я уже знал, что сегодня опять будут беженцы, сожженные дома и очередные трупы, что мы опять не успеем и вся наша помощь этому селу сведется к простой эвакуации пострадавших. И нечего тут лишний раз рефлексировать...

Теперь сидя у заднего борта «Урала» я могу окинуть их одним быстрым взглядом, не задерживаясь на лицах, стараясь не встречаться взглядами. Могу даже пересчитать по головам, если возникнет такое желание. Они сидят спокойно, стараются без крайней нужды не разговаривать и не шевелиться. Не привлекать к себе наше внимание. Какой прием ждет их в Цхинвале? Конечно, здесь к кровному родству совсем другое отношение, не такое, как в центральной России, но все равно, вряд ли кого-нибудь обрадует неожиданное прибытие в дом целой толпы дальних родственников, намеренных обосноваться у тебя на неопределенно долгий срок. Моих родителей, например, точно бы не обрадовало. Я даже смутно припоминаю какой-то давний эпизод из детства с явлением отцовской родни откуда-то с периферии. Шумные, румяные тетушки и с ними донельзя вредная и противная девчонка моего возраста – двоюродная сестра. Веселая компания прибыла всего на какую-то неделю, дабы посмотреть своими глазами столичные чудеса. Гостиница оказалось для них слишком дорогим удовольствием, да и к чему она, если в городе живут родственники? Наверное всем было бы лучше, если бы они все-таки решили денег не экономить. Как-то очень ярко вспомнились чопорно поджатые губы матери, презрительное холодное недоумение во взгляде отца... Короче не слишком-то ко двору пришлась провинциальная родня в семье московских искусствоведов. Больше они у нас никогда не останавливались. Как впрочем и все другие родственники о существовании которых я лишь смутно подозревал, никогда не видя их самих в лицо. Вот такая вот история. Так это были гости приехавшие на неделю. А тут... Да, вряд ли этих людей ждет восторженный прием.

Я принялся их рассматривать исподтишка, с каким-то нездоровым болезненным любопытством гадая, как сложатся дальше их судьбы. Естественно в первую очередь мое внимание привлекла молодая осетинка, прижимавшая к груди девочку лет трех-четырёх с широко распахнутыми испуганными глазами. Ребенок сидел на коленях у матери абсолютно неподвижно, словно боясь шевельнуться. А женщина что-то нашептывала девочке на ухо, ласково покачивая ее хрупкой тельце в такт движению машины. Она сама была еще совсем девчонка по нашим меркам, вряд ли ей было даже двадцать лет, а вот поди же ты, уже мать и жена. Они тут очень рано выходят замуж, двадцати пятилетняя невеста будет уже считаться перезрелой старой девой. Интересно, а ее муж платил за нее калым? Говорят в селах этот обычай до сих

пор существует, и носит вовсе не формальный характер. Кто-то из парней рассказывал, что за хорошую невесту жених должен заплатить сумму равную цене нового легкового автомобиля. Деньги для нас просто фантастические. Потому обычно у них мужья намного старше жен. Вот и у этой тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.